

профессор А. П. Лопухин

Толковая Библия
Толкование на Песнь Песней Соломона
профессор Александр Павлович Лопухин

Глава [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#)

В еврейской Библии книга Песнь Песней помещается в третьей части священных ветхозаветных книг – среди так называемых агиографов (евр. кетубим), и следует непосредственно после трех великих агиографов, – книг Псалмов, Притчей и Иова, – и пред книгою Руфь. В греческой Библии, в латинской Вульгате и в славянской и русской Библии книга Песнь Песней занимает место в ряду учительных книг после двух других произведений Соломона – книг Притчей и Екклесиаста (пред неканоническими учительными же книгами – Премудрости Соломона – и Премудрости Иисуса, сына Сирахова).

Надписание книги в еврейском подлиннике: Шир-га-Ширим ашер ли-Шломо воспроизводится и в греческом переводе: Αἶσμα ἀσματῶν, δ' ἐστὶ Σολομῶν¹. Выражение «Песнь Песней» (греч. ἀσμα ἀσματῶν, лат. Canticum canticorum) в данном случае не может быть понимаемо ни в смысле ряда или собрания песней Соломона (как полагали в новое время исследователи, державшиеся того взгляда на книгу Песнь Песней, что она составлена из множества фрагментов – отрывочных песней, таковы, напр., Клейкер, Павлюс, особенно Депке и Магнус), ни в том разделительном значении, какое придавали ему некоторые иудейские раввины (Абен – Езра, Кимхи): «одна из песней Соломона».

Напротив, по свойству еврейской речи, в которой сочетание имени в единств. числе с тем же именем во множеств. числе обыкновенно выражает превосходную степень выражаемого словом понятия (ср. такие выражения, как "раб рабов" [Быт 9.25](#), «Святое Святых» [Исх 26.33–34](#) и др., «небо небес» [3Цар 8.27](#), «Суета Сует» [Еккл 1.2](#) и др.). «Песнь Песней» может означать только песнь превосходнейшую, наилучшую всех других песней (в своем немецком переводе Библии Лютер удачно выразил мысль этого выражения словом «Hohelied», «высокая песнь»), и такое название вполне отвечает и форме и содержанию данной священной книги: как по изяществу своей поэтической формы и внешнего изложения, так и по

внутреннему, идейному содержанию своему, по богатству мыслей в развитии своего таинственного возвышенного предмета, книга Песнь Песней является превосходнейшим произведением священной богодухновенной мудрости и священной поэзии. Указание на божественно-возвышенное, вероучительное содержание книги включает Сирский перевод Пешито, где книга эта имеет надписание «Премудрость Премудростей».

Иудейская синагога и древняя Христианская Церковь согласны в признании неизмеримо высокого достоинства книги Песнь Песней. Таргум на книгу Песнь Песней, сопоставляя содержание ее с другими ветхозаветными песнями или гимнами (Моисея, Девворы, Анны и др.), признает ее превосходства пред всеми ими и сближает ее с песнью грядущего Мессианского времени (по Ис 30.29). Мидраш на Песнь Песней (Песн. 1:10–11, русск. Песн. 1:9–10) говорит: «под «ниткою жемчугов» надо разуметь Закон, пять книг Моисея; под «шнуром драгоценных камней» – пророков; под «золотыми подвесками» – агиографы; под «серебряными подвесками (крапинками)» – саму Песнь Песней». В 3Езд.5:24, 7:26, очевидно, ввиду Песни Песней, Богоизбранный народ называется "невестою" и "лилиею".

В Христианской Церкви этот возвышенный взгляд еврейской синагоги на книгу Песнь Песней впервые ясно выражен Оригеном, который вместе с тем расширил и углубил еврейское толкование, придав ему христианский смысл. Как любитель таинственного, Ориген с особенною любовью остановился на том широком поприще таинственного, какое представляла Песнь Песней, и написал на нее десять книг толкований, содержащих, по счету блаж. Иеронима, до двадцати тысяч строк и настолько возвышенных и глубоких по содержанию, что в них Ориген, по выражению блаж. Иеронима, превзошел самого себя. Но сохранились до нас лишь два другие трактата Оригена на Песнь Песней, переведенные блаж. Иеронимом на латинский язык и, по его замечанию, более удобопонятные для питающихся еще млеко младенцев (Русский перев. Творен. блаж. Иеронима, часть 6, изд. 2-е, 1906 г. Киев, с. 136–174). Возвышенный взгляд Оригена на книгу Песнь Песней выражен им в самом начале первого из этих трактатов. «Как мы, – говорит он здесь, – узнали через Моисея, что есть не только Святое, но и Святое Святых, и что есть не только суббота, но и суббота суббот; так ныне мы узнаем через Соломона, что существуют не только песни, но и Песнь Песней. Блажен, конечно, тот, кто входит во святое, но еще блаженнее тот, кто входит во Святое Святых. Блажен празднующий субботу, но еще блаженнее празднующий субботу суббот.

Блажен, подобным образом, и тот, кто понимает и поет песни, на гораздо блаженнее тот, кто поет Песнь Песней. И как входящий во святое нуждается еще во многом, чтобы быть достойным войти во Святое Святых, и как празднующий субботу, которая от Господа установлена для народа, имеет нужду еще во многом, чтобы праздновать субботу суббот; подобным образом с трудом обретается такой, кто, прошедши все песни, содержащиеся в Писании, был бы в состоянии возвыситься до Песни Песней» (с. 138). Вместе с Иудейскою синагогою Ориген устанавливает аллегорическое понимание книги говоря, напр.: «Если бы это (о лобзаниях Песн 1.1) не имело духовного смысла, то не было ли бы пустым рассказом? Если бы не имело в себе чего-либо таинственного, то не было ли бы недостойно Бога?» (с. 141–142). Однако, принимая от синагоги, частнее от таргума общую мысль аллегорического понимания книги Песнь Песней, Ориген изменяет эту мысль настолько, насколько речь иудея должна была измениться в устах христианина, именно на место неопределенного таргумического Мессии он поставляет Господа Иисуса Христа, вместо Израиля – общество христиан или Церковь, иначе христианскую душу: так, при объяснении I гл. 1 ст. Ориген замечает, что под упомянутым здесь лобзанием недостаточно разумеет вещания Моисея и пророков, как объясняет таргум, а нужно искать лобзаний Христовых (ср. также его объяснение ст. 2).

Общая мысль толкования Оригена усвоена была и всеми известными отцами и учителями Церкви – св. Григорием Нисским, Кириллом Иерусалимским, Епифанием Кипрским, Макарием Египетским, Афанасием Александрийским, блаж. Феодоритом и др. В раскрытии этого толкования некоторые учителя церковные высказали свои особые мнения. Так, блаженный Августин, согласно с иудейскою синагогою, видел в содержании Песни Песней, аллегорическое изображение истории древних евреев («О граде Божиим» кн. XVII, 8, 13, 20, Русск. перев. Твор. блаж. Август, ч. 5-я, изд. 2-е, 1907 г. Киев). Св. Амвросий Медиоланский, напротив, дал совершенно независимое от преданий синагоги христианское аллегорическое толкование Песни Песней: по его мнению (в его *Sermo de virginitate perpetua S. Mariae*), Суламита Песни Песней есть аллегорический образ Богоматери. Взгляд этот многократно выражает католическая Церковь в своих богослужебных чинах: употребляя Песнь Песней при богослужении, она обычно приурочивает чтения из нее к Богородичным праздникам (напр., в Рождество Богородицы, Благовещение и Успение читается первая глава Песни Песней). В богослужении Православной Церкви чтения из книги Песнь Песней не употребляются, но

в канонах и вообще в службах в честь Богоматери Ей весьма нередко усвоятся выражения из этой книги («запечатленный источник», «заключенный вертоград», «вся добра еси и порока несть в тебе» и др.). Но общим и определенно выраженным православно-церковным толкованием книги Песнь Песней является изъяснение отношений Возлюбленного или Жениха и Возлюбленной или Невесты книги в смысле благодатного таинства союза Христа-Бога и человечества-церкви, причем, по церковному разумению, Песнь Песней есть наивысшее из всех ветхозаветных пророчеств о Мессии, даже как бы не пророчество, а историческое изображение Христа воплотившегося, вочеловечившегося и совершающего дело спасения человечества. В «Синописе» или Обозрении священных книг св. Афанасия Великого о книге Песнь Песней читаем: «Все в ней от начала до конца написано таинственно, с загадочным иносказанием, и смысл догматов, в ней заключающихся, содержится не в букве, но глубоко скрыт под нею... Посему читать сию книгу могут только разумные; но должны и они, читая ее, всегда иметь в мысли иносказание, дабы невежеством неученых не подверглось посмеянию то, что в ней излагается. Песню Песней называется она потому, что следует после других песней, и что после сей песни нельзя ожидать другой песни... Все Божественное Писание пророчествует о сошествии к нам Слова и явлении Его в плоти. Это составляет особый предмет воли Божией, и предвозвещение о том было преимущественным делом пророков и всего Божественного Писания... Все сии пророчества суть песни, а Песнь Песней как бы уже не пророчествует или предсказывает, но показывает Того, о Котором другие предвозвещали, как бы уже пришедшим и принявшим плоть человеческую. Посему Песнь Песней воспевает как бы брачную песнь на бракосочетание Слова с плотью. И другие Писания хотя говорят также о Спасителе, но между прочим возвещают и нечто другое, а сия книга воспевает один союз Слова с плотью. В других Писаниях, как содержащих нечто другое, кроме учения о Слове, находятся выражения гнева, ярости и прещенния страхом, а сия книга, так воспевающая одно только пришествие Слова, вещает только о приятности, радости и веселии, ибо, в присутствии жениха, должно всем радоваться и никому не прилично плакать, как Сам Господь сказал (Мф 9.15). Посему, как после домостроительства, совершенного, Спасителем, мы уже не ожидаем пророка, так и после того, что обозначено в Песни Песней, не должно ожидать другого чего-нибудь, новейшее нечто знаменующее. Подобно тому как закон и пророки престали после того, как Иоанн Креститель указал Агнца Божия, так и воспетое в Песни Песней есть конец всего того,

что возвещается во всем Божественном Писании... Как в законе было святое, и за святым – Святое Святых, а за Святым Святых уже не было внутреннейшего места, так после песней еще есть Песнь Песней, а после Песни Песней уже не должно ожидать внутреннейшего и новейшего обетования: ибо Слово однажды «сделалось плотию и совершило дело...» (Христ. Чтен. 1841, ч. 4, с. 370–374).

Таким образом, общим воззрением древней и последующей Христианской Церкви на книгу Песнь Песней является признание в ней аллегории или иносказания с высшим религиозным смыслом подобно тому как и древнеиудейская синагога видела в Песни Песней именно аллегорию, притчу – машал. Аллегорическое понимание Песни Песней являлось для древних, иудейских и христианских толкователей ее и остается доселе и всегда вполне естественным и даже неизбежным ввиду следующих обстоятельств и соображений. Уже указанный смысл надписания книги, в котором последняя признается превосходящею достоинством другие священные книги, сам собою говорил и всегда внушает толкователям и читателям Песни Песней, что составитель надписания – лицо, вероятно, отличное от священного писателя книги (как показывает уже употребленная в надписании форма относительного местоимения – ашер, тогда как в самой книге встречается лишь сокращенная форма этого местоимения, – придавал высший смысл содержанию книги и отнюдь не мог видеть в ней – по буквальному смыслу – простое описание житейской половой любви; иначе мог ли бы он, как и всякий вообще истинный израильтянин, светское произведение поставить выше многих Божественных псалмов, песней Моисея, Мариами, Девворы и боговдохновенных речей пророков, которые все называются просто песнями? Затем, не подлежит сомнению, что своим принятием в канон Священных книг Песнь Песней обязана тому высшему религиозному смыслу ее содержания, который дается только аллегорическим ее толкованием. Вопреки ложному понятию библейского рационализма о каноне, как простом собрании древней национальной еврейской литературы, составители ветхозаветного канона для принятия в него книги ставили два необходимых условия: религиозное содержание и святость, основывающуюся на Божественном вдохновении. Этим двум условиям Песнь Песней, благодаря своему высшему смыслу, удовлетворяла в полной мере, как видно из следующего места Мишны (тр. Ядаим, гл. III, §§ 4–5), где идет речь о правильности канонизации двух книг – Екклесиаста и Песни Песней: «Сказал р. Ахиба: избави Боже! никто никогда в Израиле не спорил против того, что Песнь Песней оскверняет руки ², ибо весь мир

не стоит того дня, в который дана была Израилю Песнь Песней, ибо все книги – святое, а Песнь Песней – Святое Святых». Наконец, аллегорическое или иносказательное, не буквальное понимание Песни Песней являлось и является неизбежным вообще при всяком цельном представлении ее содержания; в последнем – при буквальном понимании – замечается целый ряд противоречий в положении главных действующих лиц и их взаимных отношениях. Возлюбленный или Жених Песни Песней в одно и то же время и пастух (Песн. 1.6; Песн 6.2), и виноградарь (Песн 5.1) и венчанный царь (Песн 1.11; Песн 3.11); и Возлюбленная или Невеста является то пастушкой (Песн 1.7) то стражем виноградника (Песн 1.5), то царскою дочерью и царицею (Песн 6.7–8), равным образом во взаимных отношениях они являются то братом и сестрою (Песн 4.12), то женихом и невестою или мужем и женою (Песн 1.14; Песн 2.7); затем в характере и действиях Возлюбленной замечается тоже много взаимнопротиворечивых черт: она и несовершенно (Песн 1.4) и совершенна (Песн 4.1); будучи близкою Возлюбленною своего мужа, она однако не знает его местопребывания (Песн 1.6) и ищет его ночью по темным улицам города (Песн 3.2–4), при участии толпы иерусалимских женщин (Песн 5.8–17), причем городские сторожа встречают ее, избивают и раздевают (Песн 5.7). Все эти различия и противоречия, неустранимые при буквальном понимании содержания Песни Песней, сами собою отсылают к иному, высшему или иносказательному ее толкованию.

Правда, общий концерт аллегорических толкований – и в синагоге иудейской и уже в древней Христианской Церкви прерывался иногда диссонансом отдельных голосов, пытавшихся понимать и изъяснять содержание Песни Песней в прямом, буквальном смысле, но это были именно единичные мнения людей, так или иначе порвавших связь с общим преданием – синагогальным и христианско-церковным, и синагога и церковь встречали их полным осуждением. Не упоминая разных попыток этого рода в иудействе (принадлежавших большею частью анонимам), из христианских буквалистов назовем Феодора епископа Мопсуетского, (V в.), осужденного за буквальное толкование Песни Песней пятым Вселенским Собором. При буквальном понимании, Суламиту книги Песнь Песней отождествляли или с Ависагою Сунамитянкой (3Цар 1:1–4, 2.17–22) или с дочерью Фараона, женою Соломона (3Цар 3.1), или же с какой-либо другой невестой или наложницею Соломона. В новое время многочисленными сторонниками буквального понимания книги среди немецких библиологов, особенно известным библеистом Евальдом, развита была новая теория, по которой в Песни Песней воспевается

непоколебимость чистой пламенной любви и торжество ее против всех обольщений почести и богатства; предмет любви Суламитянки здесь не Соломон, а простой пастух, ее соотечественник, с которым она временно была разлучена, взятая во дворец Соломона, но здесь она, несмотря на все ласки и обещания, осталась верною своему возлюбленному и наконец была отпущена к нему и соединилась с ним браком. Что эта гипотеза не имеет опоры в тексте Песнь (именно в указываемых ее сторонниками местах: Песн. 1:3, 11, 6:11–12, 8:10) и вообще беспочвенна, это ясно.

Средину между аллегорическим и буквальным толкованиями занимает толкование типическое, развитое отчасти Гуго Гроцием и Боссюэтом, а главным образом Гофманом и Деличем и у нас Коссовичем, по которому, изображаемая в Песни Песней любовь есть действительный факт из истории Соломона, но изображение этой любви не имеет цели само в себе, а служит образцом высшей духовной любви и отношений человека к Богу. При таком понимании, по мнению Делича, Песнь Песней является высокоценным священным произведением в трех отношениях: 1) в религиозно-нравственном, как изображение высокой идеи брака, 2) в церковно-историческом – как изображение судьбы еврейского народа и церкви во время Соломона и 3) наконец, в прообразовательном, поскольку в браке прообразует союз Христа с церковью. Вызванное стремлением примирить крайности двух первых толкований, типическое понимание имеет свое значение при изъяснении таинственной книги Песнь Песней. Но полное проникновение в содержание и первоначальное значение ее по идее священного ее писателя составляет трудность едва ли преодолимую. Взгляд на это иудейской синагоги хорошо выразил иудейский комментатор X века Саадия: «знай, брат мой, что есть различные объяснения этой книги, и это не могло быть иначе, потому что Песнь Песней подобна замку, от которого ключ потерян; одни утверждают, что она относится к царству израильскому, другие – к закону, третьи – к временам плена, четвертые – к Мессии». Потому-то, по свидетельству Оригена и Иеронима, у евреев запрещено было читать эту книгу (равно как начало книги Бытия и начало и конец книги пророка Иезекииля) ранее тридцатилетнего возраста. Что подобная же предосторожность обязательна и в Христианской Церкви, мы видели из слов св. Афанасия Великого.

Впрочем, предпочитая аллегорический способ изъяснения книги Песнь Песней, как принятый св. церковью, всякому другому, мы однако должны избегать тех крайностей беспочвенного и отрешенного от действительного содержания книги аллегоризма, присутствие которого

весьма очевидно в трудах многих ортодоксальных немецких библеистов (Гана, Генгстенберга, Шефера и др.). Аллегория должна быть лишь принципом изъяснения книги, отнюдь не вытесняя данного в книге содержания, а лишь регулируя обозрение последнего и освещая его высшим светом. Непременный долг толкователя при этом состоит в том, чтобы возможно точно устанавливая те посредствующие представления, которыми буквальное содержание книги связывается с высшими идеями аллегории, которая во всяком случае должна опираться на данные содержания самой книги, а не заимствовать свой материал независимо от книги, извне ее. Такое значение и такое применение аллегорического принципа в изъяснении книги Песнь Песней, по-видимому, намечается в «Синописе» св. Афанасия. «Вся сия книга, говорит он, наполнена разговорами ветхозаветной Церкви со Словом, всего рода человеческого с Словом, и церкви из язычников с Ним же, и опять – Слова с нею и с родом человеческим. Потом разговор язычников с Иерусалимом и Иерусалима – о церкви языческой и о самом себе. Далее, воззвание служащих Ангелов к призванным в веру людям... Приспособляясь к таковым разговорам в Песни Песней, может каждый, рассматривая самую книгу, сочетавать по смыслу сходные между собою происшествия» (Хр. Чтен. 1841 г., ч. 4, с. 379–380).

Что касается теперь внешней, так сказать, литературной формы книги Песнь Песней и ее строения или композиции, то и в этом отношении она занимает особенное, исключительное положение среди других ветхозаветных священных книг. В ней совершенно отсутствует повествовательный элемент, священный писатель книги не высказывает от своего лица ни одной мысли, ни одного пояснительного замечания; вся книга от первого стиха до последнего представляет ряд душевных излияний и вообще речей действующих в ее содержании лиц, тогда как в близкой к ней в этом отношении книге Иова исторический или повествовательный элемент не только имеет место в двух первых и в последней главах книги, но также не раз выступает и в середине книги, порою прерывая течение речей. Такая особенность книги Песнь Песней не могла не обратить внимание толкователей ее. И уже Ориген оценил, хотя едва ли точно, значение этого обстоятельства. По характеру содержания книги Ориген называет ее «брачною песнию», *erithalamium*, и при том такую «брачною песнию, по образцу которой и язычники составили себе свадебную песнь и из которой содержание для этой песни ими взято. Ибо Песнь Песней есть брачная песнь» (с. 140); по форме же литературного изложения Ориген называет Песнь драмою, *fabula, drama*. «Из какого

числа лиц, – говорит Ориген, – состоит общество, описываемое в Песни Песней, мне неизвестно. Но по молитве вашей и откровению Господню, я, кажется, различаю между ними четыре рода лиц: жениха и невесту, с невестой общество девиц – подруг, с женихом общество товарищей. Одно говорится невестою, другое – женихом, нечто – девицами, нечто товарищами жениха. Ибо естественно, что на браках присутствуют с невестою общество девиц, а с женихом толпа товарищей. Все это ищи не вовне, не вне тех, которые спасены через проповедь евангельскую. Под женихом разумей Христа, под невестою без пятна и порока – Церковь – по Еф 5.27. В душах верующих девицах, сопровождающих невесту, – уразумей тех, кои, хотя и верны Христу, однако ж не таковы, как те, о коих было сказано выше, и представляются в некоторой только мере получившими спасение, а под мужами, сопутствующими жениху, разумей Ангелов и тех, кои достигли в мужа совершенна» (с. 140). Признавая Песнь Песней драмой и указывая в ней четыре названные группы действующих лиц, Ориген в своем комментарии делит книгу на отделы – как бы акты или действия и при объяснении всегда указывает, какому действующему лицу принадлежат те или другие слова.

В своем воззрении, что Песнь Песней написана *in modum dramatis*, Ориген в христианской древности не был одинок: его точку зрения на этот предмет разделяли не только другие учителя Александрийской учительной школы, но она приведена даже в Синайском списке перевода LXX, где имеются разделения книги Песнь Песней на четыре акта, равно как и надписания над меньшими отделами с указанием, кому принадлежит та или другая речь (подобные деления и надписания сохранились и в эфиопском переводе Песни Песней, сделанном с текста LXX). Однако все эти древние учителя церковные не имели той мысли, будто Песнь Песней написана для сцены или даже действительно когда-либо ставилась на ней. Между тем в новое время (в XIX веке) целый ряд западных ученых в своих трудах о Песни Песней развивали именно эту мысль об ее сценическом назначении и о фактической постановке на театральных подмостках (Евальд, Фюрст, Нельдеке, Беттхер, Ренан, Кемпф и др.). Но, в действительности, библейские евреи, как и семиты вообще, вовсе не имели ни драмы, ни театра, напротив, всегда чувствовали к первой и последнему органическое отвращение. И ни одному библейскому критику, стороннику теории драмы, не удалось доказать присутствие в Песни Песней всех драматических элементов, драматически выдержанного диалога, действия, места сцены, однообразного деления пьесы на акты и явления, разделения ролей. Упомянутые же древние

разделения – у Оригена, в синайском кодексе и в эфиопском переводе, без сомнения, не имели ничего общего с якобы сценическим назначением книги, а указывали, вероятно, на гомилетическое или экзегетическое употребление книги (отделы наподобие наших церковных зачал).

Но если в книге Песнь Песней нет настоящего драматического действия, то есть в ней полное и живое, органическое единство основной идеи, развивающейся на всем ее протяжении: защитить это единство книги думали, между прочим, сторонники теории драмы против сторонников фрагментальной теории, по которой Песнь представляет ряд бессвязных отрывков или фрагментов песенного характера. Единство и цельность книги бесспорно доказываются следующими данными:

1) Единством действующих в песни лиц: не только главные лица – Жених и Невеста, Соломон и Суламита, но и второстепенные лица, дочери Иерусалима, являются во всех частях книги с одними и теми же характерами, стремлениями и задачами и в одинаковой обстановке. Напр., имя Соломона или «царя» (т. е. тоже Соломона) проходит через всю книгу (Песн 1:3–4, 11, 3:7, 9, 11, 8:11–12); равным образом – «дщери Иерусалимские» (Песн. 1:4, 2:7, 3:5, 5:8, 16, 8:4); упоминается неоднократно о матери Суламиты, но не об отце ее (Песн. 1:5, 3:4, 8:2).

2) Единством литературных приемов писателя во всех частях книги. Свящ. писатель раз выработал свои особенные выражения и рассеял их по всем частям книги; многие выражения не раз повторяются в разных отделах с буквальной почти точностью. Таковы, напр., эпитеты: «прекраснейшая из женщин», – «тот, кого любит душа моя»; или – три раза повторяемое заклятие к иерусалимским женщинам не будить любовь (Песн. 2:7, 3:5, 8:4), или – тоекратный вопрос: "кто эта" (Песн. 3:6, 6:10, 8:5) и др.

3) Наконец, особенно – единством и постепенностью развития основного содержания книги и частных ее подробностей. Чувство любви Невесты к Жениху в начале является как бы в зародыше, неуверенным и неопределенным (Песн 1.1–3, 6–7), а в конце становится крепкою, как смерть, настоящим божественным пламенем, которое ничто не может потушить (Песн 8.6–8); и сама Невеста, прежде несовершеннолетняя (Песн 1.4), теперь достигает полноты и совершенства (Песн 8.10). Можно наблюдать в песни смену времен года: зимы, весны (Песн 2:11–13), лета (Песн 4:11, 6:11) и осени (Песн 7:8–9).

Если к сказанному о внутреннем единстве книги Песнь Песней присоединить, что и в языке ее наблюдается такое же единство в словоупотреблении в разных ее частях, то отпадает всякое основание к

дроблению книги на какие-либо, тем более разновременного происхождения, перикопы или фрагменты. С тем вместе теряет всякий смысл отрицание происхождения книги от Соломона, так распространенное на западе. (По мнению, напр., Кенига, о происхождении книги от Соломона не может быть речи ввиду того, что будто бы язык и идейное содержание книги указывают на начало слепого периода³, православная наука, напротив, не имеет никакого побуждения отступить в этом вопросе от свидетельства предания, согласно которому писателем книги был именно мудрый царь Соломон. Предание это выразилось уже в самом надписании книги, а также в свидетельстве Талмуда (тр. Baba batra, fol. 14, b.), что книга Песнь Песней была написана Соломоном, но собрана и издана царем Езекиею. В качестве Соломонова священного произведения в еврейских синагогах издревле и доселе книга Песнь Песней читается в восьмой день еврейского праздника Пасхи. Традиция иудейская расходилась лишь в решении вопроса, когда, в каком возрасте написал Соломон Песнь Песней: по мидрашу, Соломон написал Песнь в старческом возрасте, между тем преобладающим взглядом еврейской традиции был тот, что «Песнь Песней» написана Соломоном в юности его, тогда как «Притчи» – в зрелом его возрасте, а Екклесиаст – в старости. Последний взгляд предпочтительнее и преобладает и в Христианской Церкви.

На русском языке относительно книги Песнь Песней имеются: 1) Перевод книги с еврейского текста – архимандрита Макария (Глухарева) Христ. Чтен. 1871, I; 2) Перевод ее с греческого LXX-ти – Епископа Порфирия (Успенского) – Труды (Невской Духовной Академии 1869 г., июнь, с. 103–118; 3) Изъяснение Песнь (Песн. Зи Песн 4:16) – в «Воскресн. Чтен.» гл. V (1841, 159–160) и гл. VII 1843), с. 64; 4) Профессора СПб. Духовн. Академии И. С. Якимова, «О происхождении книги Песнь Песней» – Христ. Чтен. 1887 г., т. I, с. 569 акт. и 5) Профессора Киевской Духовной Академии А. А. Олесницкого, «Книга Песнь Песней и ее новейшие критики» – в Труд. Киев. Дух. Акад». 1881–1882 гг. и отдельно – Киев 1882, с. 387. Сочинение проф. А. А. Олесницкого является капитальнейшим научным произведением о книге Песнь Песней, не только стоящим на одном уровне с лучшими произведениями западной ученой библиологической литературы, но и далеко превосходящим многие из них. В этом сочинении автор не только очень обстоятельно изложил данные предания о каноническом характере и способах изъяснения книги Песнь Песней в иудейской синагоге и Христианской Церкви, и установил затем соотношение важнейших древних текстов книги, особенно еврейского –

масоретского и греческого – LXX; не только дал полнейшее обозрение и критический разбор многочисленных взглядов и теорий ученых библеистов запада касательно Песни Песней, но и представил в заключение собственный оригинальный и талантливый опыт изъяснения этой книги – «новый способ разгадки Песни Песней» (с. 336–337). Остановившись на тех местах книги (Песн 4.1–5; Песн 6.4–7; Песн 7.2–6), в которых дано наиболее подробное описание Невесты, проф. Олесницкий находит здесь следующие особенности: во-первых, анатомическую подробность в перечислении отдельных частей фигуры (уста, нёбо, язык, ноги, бедра, пуп); во-вторых, широкое, исключительное употребление при описании членов тела невесты разных штрихов из картин природы, причем последние решительно заслоняют собою чисто человеческие черты («глаза твои голубиные», Песн 1.14. «Зубы твои – как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними» Песн 4.2; «шея твоя – как столп Давидов, сооруженный для оружий» Песн 4.4 и мн. др.). Отсюда, «так как в Песни Песней спорят между собою чисто человеческий образ невесты и картины природы и так как в этом споре за первенство картины природы одерживают верх по силе и полноте изображения, то первый шаг к разгадке книги должен состоять в новом освещении ее, какое дается перенесением центра тяжести из мнимого основания книги или человеческого образа невесты к просмотренному исследователями действительному основанию или описанию природы» (с. 346). Возможность сравнения картин природы с человеческою фигурою невесты в устах библейского поэта вполне понятна. По особому поэтическому миросозерцанию древних евреев земля, как мать и кормилица всего живущего, представляется женским началом; отсюда название земли ерец женского рода. Отдельные же страны или государства называются ее дочерьми или девами, невестами: дева, дочь Египта Иер 46.11; дева, дочь Сидона Ис 23.12; дева, дочь Вавилона Ис 47.1; но особенно часто у библейских писателей этот образ прилагается к земле обетованной: дева, дочь Израилева, дева, дочь Иуды, дева, дочь народа Моего (Иеговы) Иер 14.17; Ис 10:32, 37:22; Ам 5.2 и пр.

Таким образом, если Песнь Песней посвящена описанию природы, то привнесение в это описание человеческого образа девы-евреянки будет вполне понятно, гораздо более в духе древнееврейского мировоззрения, чем обратное привнесение картин природы в поэтическое изображение человеческой (женской) красоты. (с. 348). Группируя, затем, все соединенные в книге Песнь Песней штрихи и картины природы (флора,

фауна, неорганическое царство, продукты народного продовольствия, смены явлений дня и ночи, времен года и т. д.), а также штрихи, изображающие местную человеческую культуру (сторожевые и военные башни, арсеналы, города с их разнообразными принадлежностями), проф. Олесницкий приходит к заключению, что свящ. писатель Песни Песней имел изобразить собственно Палестину, именно подобным же образом изображаемую во Второзаконии (Втор. 6:10–11, 8:7–10, 11:9–12) и у пророков. Соответственно с этим и жених Песни Песней (по изображению Песн 5.10–16), должен принадлежать видимой природе, по крайней мере, открываться в явлениях видимой природы. Но в то время как картины и штрихи, изображающее невесту, вполне тяготеют к низменной земной природе, штрихи, собранные в образ жениха, хотя соприкасаются с землею, но сами принадлежат высшей эфирной области света... По мере того как мы всматриваемся в эти залитые светом картины, человеческий образ жениха все более тускнеет и наконец превращается в светозарный образ солнца (с. 353). Как именно палестинская природа, невеста Песнь Песней стремится к своему палестинскому солнцу (с. 358). Но как невеста есть не только палестинская земля, но и населяющий ее еврейский народ, так и жених есть не только благодетельная для земли физическая сила – солнце, но и сила политическая – царь, у пророка (Иер 15.9) поэтически называемый солнцем; частнее, царь Соломон. Но высшею, благодетельною земле Палестинской и Израилю, силою была сила Божественная, которой были обязаны своим бытием и действием и физическая сила солнца и политическая – царя. В солнце и лазури возвышающийся над землею царь Соломон, как благодетельный гений страны, сам собою вызывал в мысли поэта образ прославленного Мессии, имеющего явиться в облаках славы и завершить все высшие премирные благодеяния народу (с. 362).

Таково объяснение проф. Олесницкого, подсказанное ему, по словам его, евреем Тайяром и им самим лишь развитое. Как и всякая человеческая теория, оно не исключает возражений против себя, но, по нашему убеждению, оно основано на глубоком понимании восточного, частнее, библейско-еврейского мирозерцания, на глубоком проникновении в дух и смысл библейских образов священных писателей, и во всяком случае, указывает надежный путь, по которому следует вести исследование и изъяснение книги Песнь Песней.

Тою естественною почвою, на которой священный поэт и мудрец нарисовал несравненный по красоте и возвышенности образ совершеннейшей пламенной любви человека и общества людей – Церкви к Богу, является мощное чувство радости жизни, половая любовь и любовь к

природе. Едва ли не прав Густав Карпелес, когда говорит о сюжете книги Песнь Песней: «Там, среди бурь, пронесившихся в народной жизни, вылилась эта песнь из сердца, в которое веселая обстановка кинула самые светлые лучи свои и в котором жила удивительная способность видеть как нельзя яснее, как блещут цветы, как финиковое дерево пускает свои почки, как подымается вверх виноградная лоза и как раскрывается цвет гранатовых деревьев... Ни Греция, ни весь остальной восток никогда не производили, да и не могли произвести такую песнь любви. Если она так неизмеримо возвышается над всеми родственными ей созданиями, то это благодаря чудному гармоническому соединению страстной чувственности и чистейшей нравственности, составляющему невидимое биение пульса всей песни. Изобразить глубже и вернее чисто человеческой любви невозможно... И рядом с этими чарами любви на нас действуют обаятельно в этом стихотворении главным образом идиллические сцены из жизни на лоне природы: мы находим здесь такое очаровательное погружение во внешнюю, окружающую нас, природу, какого не встретим во всей эротической поэзии. Поэт вводит нас в цветущую роскошную природу» («История еврейской литературы» т. I, с. 78–79). Надо лишь помнить, что и любовь к природе и истории родного народа, и половая любовь и эстетическое чувство красоты, и наслаждения радостями жизни и самое стремление к мудрости у священного писателя книги «Песнь Песней», как истинного теократа и раба Иеговы завершались в религиозном чувстве и благоговении пред Иеговою. Хотя имя Божие в этой книге (как и в книге Есфирь) по принятому еврейскому тексту, как и по древним переводам книги, не встречается, но религиозный дух веет в целом содержании книги и со всею очевидностью и силою выражается в тех словах Невесты в Песн 8.6–7, которые составляют главную, основную мысль всей книги: «Положи меня, как печать, на сердце твое – как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный (по более точному переводу архим. Макария: она пламень Божий). Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением». Только священное пламя любви Божественной, освящающее своим небесным прикосновением всякий вид земной любви (ср. Иак 4.4–6), возвышает «брачную песнь» книги Песнь Песней на степень высокого религиозного гимна, а самую книгу делает бессмертным созданием вдохновенного духа человеческого под воздействием Духа Божия.

Из бесчисленных опытов разделения содержания нашей книги мы принимаем, как более естественное, деление целой картины всего содержания книги на следующие отделы или частные картины. Раздел первый: Песн 1:1 – Песн 2:1–7. Раздел второй: Песн 2.8 – Песн 3.5; 3) Песн 3.6 – Песн 5.1; 4) Песн 5.2 – Песн 6.3; 5) Песн 6.4 – Песн 7.6; 6) Песн 7.1 – Песн 8.4; 7) Песн 8.5–14.

Глава 1

1–7. Невеста, по имени Суламита (Песн 7.1), сначала в монологе сама с собою (ст. 1–3), а затем, в обращении к иерусалимским женщинам (ст. 4–7) выражает свою пламенную любовь к жениху и настойчивое искание его. 8–16. Только что явившейся Жених превозносит похвалами Невесту (ст. 8–10, 14) и в свою очередь выслушивает восторженные повалы себе с ее стороны (ст. 11–13, 15–16).

Песн.1:1. Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина

Песн.1:2. От благовония мастей твоих имя твое – как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя.

Песн.1:3. Влеку меня, мы побежим за тобою; – царь ввел меня в чертоги свои, – будем восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; достойно любят тебя!

Охваченная восторгом любви к Жениху, отдавшись всем существом своим порыву и энтузиазму любви, Невеста живет только мыслию о нем, всеми силами души стремится к соединению с ним и невольно выражает желание, чтобы Жених дал ей осязательное проявление любви – лобзание: «да лобзает он, – говорит Невеста о своем Возлюбленном, не называя даже его по имени, так как для любящего ее сердца предмет любви слишком известен, – меня лобзанием уст своих!» (ст. 1).

Половая человеческая любовь есть взаимное притяжение двух полярных противоположностей. Но подобные полярные же противоположности существуют и вообще в царстве природы, и в жизни общественно-политической и в религиозной; отсюда та страстная любовь и влечение к Жениху, которое имеет Невеста – в переносном или иносказательном смысле может означать: 1) стремление земли вообще и палестинской природы, в частности, к солнцу, как источнику тепла, света и жизни; 2) влечение страны, напр., Палестины, к Царю, как нравственному солнцу страны; 3) наконец, и главным образом, благодатно-таинственное стремление человечества или Церкви – ветхозаветной и новозаветной – к соединению с Богом и Христом. В таком случае указанное стремление Невесты к соединению с Возлюбленным будет означать пламенное желание членов Церкви ветхозаветной – пророков и вообще праведников – лицезреть Самого Христа (см. Мф 13.16–17). Так именно объясняется смысл слов: «да лобзает он меня» у Оригена – Иеронима: «Смысл этих слов таков: доколе жених мой будет

посылать мне лобзания через Моисея, доколе он будет давать мне лобзания через пророков? Я уже желаю коснуться его собственных уст: пусть он сам придет, пусть сам снидет ко мне» (с. 140). Что мысль о церкви или обществе верующих в его отношении к Богу и Мессии была ясно признана уже Давидом, видно из параллельного по содержанию Песни Песней псалма 44 (евр. 45), пред изображающего (особенно во второй своей половине, ст. 10–18) благодатно-таинственные отношения Христа и Церкви (см. «Толковую Псалтирь» Евфимия Загибена, перев. с греч. Изд. 3-е Киев. 1907 г., с. 347–363).

«Ибо ласки твои лучше вина». Эти слова и весь ст. 2, как затем и ст. 3, представляют обоснование высказанного Невестой страстного желания принять лобзания от своего Возлюбленного. Но здесь существует разница между еврейским масоретским текстом с одной стороны и греческим, Вульгатою, слав. и русск., с другой. Евр. *додеха* – ласки твои – в обращении к мужчине, – как требует того и последовательность речи. Однако чтение *дод* – «ласка», вероятнее всего, представляет уже намеренную, тенденциозную корректуру первоначального *дад* женские груди, девственные сосцы (ср. Иез 23.3, 8; Притч 5.19), как и стоит в тексте LXX: *μαστοι σου*, в Вульгате: *ubera tua*, славянск.: «сосца твоя». Пред книжниками еврейскими здесь стояла трудность едва преодолимая. Сообразно с общим взглядом еврейской синагоги на Песнь Песней, как на изображение любви Бога к общине Израилевой, они должны были видеть здесь обращение к мужчине (Богу), но этому противостояла кажущаяся неуместность в таком сочетании слова *дад*; поэтому или изменяли конкретное *дад* в абстрактное «дад» или же суффикс муж. р. (ха) изменяли в суффикс ж. р. (х), читая *дадайх*. Об этом сохранилось прямое свидетельство Мишны (тр. Абода Зара, гл. II, § 5).

Но, с точки зрения более широкого символично-аллегорического понимания идеи книги Песнь Песней, вполне приемлемо и принимаемое у LXX, в Вульгате и славянск. конкретное значение, как символ нежности любви и обилия благ, подаваемых Возлюбленным. Сравнение любви с вином указывает на полноту всяческой радости и веселия (ср. Пс 103.15).

«От благовония мастей твоих (архим. Макарь.: масти твои приятны для обоняния) имя твое, как разлитое миро». Слав.: «воня мира твоего паче всех аромат, миро изливанное – имя твое». «Масти» или «миро», евр. *шемен*, елей – также символ радости (Притч 21.17), но чаще радости высшей, подаваемой благодатию (ср. Пс 44.8–9; Ис 61.3). «Помазание елея есть наитие Святого Духа. Ибо радостворен Святы́й Дух» (Евфим. Зигабен, с. 354). Толкователей затрудняет понимание еврейского *турак*,

передаваемого у LXX: εκκενωθεν, Vulg. effusum, слав. «излиянное», русск. "разлитое" (миро). Не лишено вероятия мнение (Раабе, проф. Олесницкого), по которому корень этого слова надо искать в санскритском taraka – звезда, так что имя Возлюбленного будет совмещать в себе все лучшее, что только есть в мире звезд, «Многие – читаем мы у Оригена – Иеронима, – имели ароматы. Царица южная поднесла ароматы Соломону, и многие другие обладали ароматами; но какие бы кто ни имел ароматы, они не могут сравниться с благовониями Христа, о которых невеста ныне говорит: благовоние мастей твоих лучше всех ароматов. Я думаю, что и Моисей, и Аарон, и каждый из пророков имели ароматы. Но если я увижу Христа, и почувствую приятность и благовоние мастей Его, то тотчас выскажу свое мнение словами: благовоние мастей твоих выше всех ароматов. Слова: миро излиянное имя твое! – пророческая тайна... Как миро через свое излияние далеко и широко распространяет благоухание, так распространено и имя Христово. По всей земле прославляется Христос, во всем мире проповедуется Господь. Ибо миро излиянное имя Его. Теперь ведомо имя Моисея, известность которого прежде ограничивалась только тесными пределами Иудеи... Но как скоро Иисус воссиял в мире, Он вместе с собою вывел из неизвестности закон и пророков, воистину исполнилось слово: миро излиянное имя твое» (с. 144–145). Сравнение доброго имени с благоухающим елеем и миром встречается, вероятно, не без влияния книги Песнь Песней, еще в Еккл 7.1; Ос 14.7–8; Сир 49.1 (не без значения здесь была аллитерация слов *шем* – имя и *шемен*, масло, елей). Заключительные слова ст. 2: «поэтому девицы любят тебя» частью выражают вывод из ранее сказанного о совершенствах Жениха, частью образуют переход от монолога Невесты к словам хора иерусалимских женщин – вероятно, придворных Соломона (ср. ст. 4). Стих 3-й, составляющий развитие и обоснование мысли конца ст. 2 представляет параллелизм последнему: страстное стремление Невесты к Жениху выражается не только в жажде его поцелуев (ст. 1), но и в деятельном стремлении к теснейшему соединению с ним, причем свой восторг и порыв любви и влечения к Жениху Невеста выражает и выступающему теперь хору придворных иерусалимских девиц. «Когда она просила отца жениха и обращалась непосредственно к самому жениху, девиц еще не было. Но во время ее беседы с женихом входит хор девиц и рекомендуется ему словами невесты» (Ориген – Иероним, с. 145–146).

«Царь ввел меня в чертоги свои». «Не говорит: ввел многих в опочивальню свою. Многие остаются вне, в опочивальню входит одна только невеста, чтобы видеть скрытые и потаенные сокровища и

возвестить отроковицам: ввел меня царь в опочивальню свою»⁴ (Ориген – Иероним, там же). Между тем отроковицы... по вступлении невесты в опочивальню жениха и во время рассматривания ею там богатств мужа, пока ожидают пришествия жениха, радостно поют: возрадуемся и возвеселимся о тебе. Они радуются о совершенстве невесты. В добродетелях нет зависти. Любовь эта чиста, без порока... Потом, указывая на невесту, жениху: правота возлюбила тебя. Они хвалят невесту, давая ей от собственных ее добродетелей имя правоты» (там же, с. 147). Конец ст. 3, впрочем, не одинаково читается в разных текстах LXX, как и Ориген, – εὐθύτης ἠγάπησεν σε, слав. правость возлюби тя. Vulg. recti diligund te. Но еврейское *мешарим* в выражении евр. масор. *мешарим агевуха*, с удобством может быть переведено наречием: "достойно" (русск. синод. перев.) или: «по справедливости» (архим. Макарий), по аналогии с Пс 57:2, 74:3.

Песн.1:4. Дщери Иерусалимские! черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы.

Песн.1:5. Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня: сыновья матери моей разгневались на меня, поставили меня стеречь виноградники, – моего собственного виноградника я не стерегла.

Песн.1:6. Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих?

Песн.1:7. Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец и паси козлят твоих подле шатров пастушеских.

Замечание Невесты, обращенное к дочерям иерусалимским: «черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы» (ст. 4) имеет характер как бы некоего оправдания или объяснения, вызванного, быть может, каким-либо насмешливым словом кого-нибудь из «дочерей иерусалимских» по поводу непосредственных восторженных излияний чувств Невесты и высказанного ею некоторого незнакомства с придворным этикетом. Из многих черт беседы и обстановки Невесты она выступает провинциалкою, недавно прибывшею в среду придворных дам Соломона. Объясняя свою черноту (ст. 4) или смуглость (ст. 5), Невеста, во-первых, сравнивает ее – в отношении цвета – с черными войлочными (козьей шерсти) шатрами Кидарян⁵ – народности, происходившей от Измаила (Быт 25.13) и частью кочевавшей, частью жившей открытыми поселками между Петрейской Аравией и Вавилонией (Ис 60.7; Иер 49.28–29: *Opomast.* 614); – а в отношении красоты и привлекательности – с завесами или павильонами Соломона (вероятно, имеются в виду царские

палатки Соломона во время его загородного летнего путешествия, – наподобие палаток нынешних шейхов арабских). Причина черноты или смуглости указывается (ст. 5) в действии солнца. «Она (Невеста) прекрасна, и можно даже указать, как прекрасна невеста. Но мы спрашиваем, каким образом она, будучи черна и без белизны, прекрасна? Она принесла покаяние во грехах, обращение дало ей красоту, потому она воспевается прекрасною. Но так как она еще не очистилась от всей нечистоты грехов, еще не омыта в воде спасения, то называется черною; однако же она не остается навсегда в черном цвете. Она делается белою, когда стремится к большему и от низкого начинает восходить к высшему, и тогда говорится о ней: кто сия восходящая убелена?»⁶ Песн 8.5 (Ориген – Иероним, с. 147).

Подобным же образом Мидраш противоположность черноты и красоты объясняет о многообразных грехопадениях и восстаниях Израильской общины в Ветхом Завете, напр., о противлении евреев Богу в Египте (Иез 20.8) и – очищении их кровью пасхального агнца и обрезанием (Иез 16.9), – о противоположности будней и субботы, простых дней года и дня очищения, века настоящего и века будущего (*Der Midrasch Schir-ha-Schirim, ubers. v. A. Wunsche, Leipz. 1880, s. 30*).

Но противоположение Невесты – провинциалки «дщерям иерусалимским» позволяет видеть в первой не только иудейскую синагогу, но и ту «языческую неплодящую церковь», которая около времени Соломона обнаружила особенное стремление к религиозному и всякому иному единению с Израилем (посещение Соломона царицею Савскою (3Цар 10.1–9), которая, по мнению блаженного Феодорита, являлась образом всех благонамеренных и честных язычников, оправдавшихся без закона по апостолу Рим 11.14–15. Блаженный Феодорит, Толков. на 3 книгу Царств, вопр. 33. См. Толковую Библию, т. II, с. 413), ввиду чего Соломон молил Иегову, чтобы в построенном им храме Бог благоволил принимать молитвы и язычников. (3Цар 8.41–43). «Когда раздастся голос Спасителя, говорящего: «царица южская восстанет на суд с родом сим и осудят и, яко прииде от конец земли слышати премудрость Соломонову: и се, боле Соломона zde» (Мф 12.42), то ты будь внимателен к тайнам, которые в этих словах предлагаются. От пределов земли приходит царица южная, церковь, и осуждает людей рода сего, т. е. иудеев, преданных плоти и крови. Она приходит от пределов земли послушать мудрости Соломона, не того, который прославляется в Ветхом Завете, а того, который в Евангелии есть больше Соломона», Ориген – Иероним, с. 149. В таком случае противоположность наружного безобразия (языческого быта)

и внутренней красоты (душ лучших язычников) выступает с особенной рельефностью.

Объясняя далее, почему солнце особенно губительно повлияло на ее наружность. Невеста указывает на то, что «сыны матери» ее (т. е. сводные братья, Лев. 18:9, 20 или даже родные, Быт 27.29; Втор 13.6) по недоброжелательству дали ей несродное и чуждое занятие – сторожить чужой виноградник, пренебрегая собственным (ст. 5). Только в конце книги Невеста говорит о целостности и всецелой принадлежности ей ее виноградника (Песн 8.12). История дохристианского мира, как в иудействе, так и в язычестве, изобилует примерами того, как близкие по плоти нередко отклоняли истинных читателей Бога и ревнителей правды Божией от царского пути их возвышенных стремлений в сторону занятий низменных и дел недостойных, Мидраш в пояснение слов: «поставили меня стеречь виноградники» говорит: «сделали меня, говорит Моисей, судьей споров дочерей Иофора, а «моего собственного виноградника я не стеречь», т. е. не имел возможности принять на себя дело моих братьев в Египте» (с. 34). Ориген из данного места делает применение к начальной истории Христианской Церкви: «Посмотри на Павла, гонителя Церкви, и ты поймешь, каким образом сын ее матери враждовал против нее. Гонители церкви принесли покаяние, и противники ее, возвратившись опять под знамена сестры, проповедывали веру, которую прежде опровергали» (с. 150).

После обращения к придворным женщинам Невеста с новой силой страсти обращается мыслию и всем существом опять к Возлюбленному и, несмотря на его отсутствие, говорит к нему, как присутствующему, именно умоляет его открыть ей место, где он пасет, где со стадами отдыхает в полдень, чтобы ей не быть скиталицею (архим. Макарий: как бы «покрытою», что более точно соответствует значению евр. *ата*, ср. Быт 38:4; Лев. 13.46 и др.) при стадах его товарищей (ст. 6). На это получается не чуждый иронии ответ «дочерей иерусалимских», что, раз она не осведомлена о своем возлюбленном, то пусть до поры до времени пребывает со стадами других пастухов (ст. 7). Ясно, что невинная Невеста наивно почитает Соломона пребывающим со стадами, даже пасущим их, и именно это дает повод придворным дамам Соломона к их недружелюбной иронии. Это очень напоминает обычно недружелюбное отношение иудеев к прозелитам. Только такие богопросвещенные мужи, как пророки: Илия, Елисей, Иона и др. понимали и осуществляли идею единения Израиля со всем остальным человечеством, по крайней мере, с лучшими представителями его (3Цар 17.8–28; Лк 4.25–26; 4Цар 5.1–19 и др.).

Песн.1:8. Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя.

Песн.1:9. Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях;

Песн.1:10. золотые подвески мы сделаем тебе с серебряными блесками.

Появившийся внезапно Соломон превозносит похвалами свою возлюбленную, сравнивая ее, в отношении стройности, красоты, живости, с конницею фараона и наделяя ее всевозможными драгоценностями. «Что это такое: «коням моим в колесницах фараоновых я уподобил тебя»? Я знаю, что всадник сей жених, как говорит пророк: «и езда его спасение» (Авв 3.8). Итак ты подобна коням моим в колесницах фараоновых. Насколько отличаются кони, принадлежащие Мне, Который есть Господь, и Который потоплял в реках фараона, и начальников его, и всадников его, и коней его, и колесницы его (Исх. 14), от коней фараона, настолько ты, невеста, лучше всех дочерей» (Ориген, с. 153). – В ст. 9 (евр. 10) евр. *батторим* в подвесках, LXX (читали: *катторим*) передают $\omega\varsigma$ *трууоуес*, слав. (прекрасны ланиты твои) «яко горлицы», Vulg. *sicut turturis*. В эстетическом смысле последнее чтение преимуществует пред первым, хотя параллелизм речи говорит за масоретское чтение. К ст. 10 Ориген замечает: «После сего жених находится на ложе, он почил, как лев, как скимен львов уснул (Быт 49.9), чтобы потом услышать: кто возбудит его. Между тем во время сна его являются товарищи жениха – Ангелы и утешают невесту такими словами: мы не можем сделать тебе золотых украшений, ибо мы не так богаты, как жених твой, который подарил тебе золотое ожерелье» (с. 154).

Песн.1:11. Доколе царь был за столом своим, нард мой издавал благоволие свое.

Песн.1:12. Мирровый пучок – возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает.

Песн.1:13. Как кисть кипера, возлюбленный мой у меня в виноградниках Енгедских.

Стих 11-й сторонники так называемой «гипотезы пастуха» понимали, как обращение Невесты не к Соломону, а к другому (Эвальд, Вайгингер и др.) своему возлюбленному – неизвестному пастуху, объясняя данный стих так: пока царь был в отсутствии (на охоте, на войне, в лагере) и не отягощал меня своими ласками, я была счастлива воспоминанием о далеком друге. Но на самом деле текст говорит не об отсутствии, а о присутствии царя Соломона за столом своим (LXX: *εν ανακλισει αυτου*,

Vulg. in accubito suo. Слав. «на восклонении своем»), вообще у своего домашнего очага. Поэтому в ст. нужно видеть речь Невесты о любви своей именно к Соломону, причем эта любовь образно представляется под ароматом нарда. Нард (см. еще Песн 4.13–14) – благовонное растение в северной и восточной Индии из семейства валериановых (*Valeriana Nardostachys tatamansi*), из которого приготавливалось сильно благоухающее и весьма ценное масло (Иц 12.3 сл.), которым на востоке помазывались на пирах. В упоминании Невесты о благовонии нарда (ст. 11) Ориген и Иероним видят типическое изображение помазания тела Спасителя Мариею нардовым миром незадолго до страданий (с. 156–157). Но источником своего благовония любви Невеста представляет своего Возлюбленного, т. е. Соломона, которого она сравнивает с мировым пучком у груди ее (ст. 12) и с кистью кипера, подобной кисти винограда в садах Енгодских (ст. 13). Мирра (евр. мор) или смирна (греч.) – резко благовонная смола, цвета изжелта-белого и красноватого, в жидком и твердом виде; добывается из дерева (*Balsamodendron Myrrha Nees*), растущего в Индии, Египте и Нубии, но, быть может, Соломоном разводившегося и в своих садах (ср. Песн. 4:6, 14, 5см. Еккл. 2.5). Употреблялась для курений и умащений на пирах и в спальнях богатых женщин (Песн 5.5; Пс 44.9; Притч 7.17), как парфюмерное средство клалась (порошок) в складки платья (Пс 44.9). Затем, как у египтян, смирна употреблялась при бальзамировании, так у евреев, по крайней мере, во время Иисуса Христа, трупы умерших умащались смирною. Особенно высокий сорт смирны у греков назывался *σθαυτή* (см. Песн 1.13 по LXX и слав. Песн. 1:12).

Кипер (евр. *кофер*, греч. *кулрос*) (ср. Песн 4.13), по-арабски Ал-хенна, – благовонный в Египте, Персии, Аравии, Ост-Индии, в ботанике *Lawsonia alba*. Цветы кипера напоминают грозди виноградной кисти, имеют бело-желтый цвет и запах, напоминающий запах резеды; любимые цветы восточной женщины. Из высушенных и истолченных лепестков приготавливаются употребительнейшие на древнем и новом востоке румяна женщин. Кустарники кипера, вероятно, насажены были Соломоном в садах Енгодских. Енгодди или Ен Геди (И. Нав 15.62; Иез 47.10; 1Цар 24.1; Опомаст. 401), теперь Айн-Джиди, – город на юго-востоке Палестины, на оазисе близ западного берега Мертвого моря (См. Толков. Библию, т. II, с. 337 и 402).

Песн.1:14. О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные.

Песн.1:15. О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! и ложе у

нас – зелень;

Песн.1:16. кровли домов наших – кедр, потолки наши – кипарисы.

Выраженная Невестой (ст. 11–13) нежность чувства любви к Жениху вызывает у него (ст. 14) восторг от созерцания ее красоты, причем он сравнивает ее – со стороны ее чистоты, подвижности и привлекательной простоты и невинности – с голубями (сн. Песн 5.12, ср. «голубица моя» Песн. 2:14, 5:2, 6:9). (По Мидрашу, благочестивые израильтяне в посещениях своих храма в праздники и во многих других отношениях уподобляются голубям, с. 49–50). Ориген говорит: «Почему невеста не говорит: «вот ты прекрасен, ближний мой», а только: «вот ты прекрасен»? и почему он не только говорит: «ты прекрасна», но и ты прекрасна, ближняя моя»? Невеста, если находится далеко от жениха, не прекрасна, она делается прекрасной тогда, когда соединяется со Словом Божиим. И справедливо она теперь поучается от жениха тому, чтобы она была вполне близка к нему и не удалялась от его бока» (стр. 160). (Мидраш объясняет это тем, что Возлюбленный (Бог) имеет и другие народы, кроме Израиля, а Невеста – Израиль – только Его одного считает достойным любви с. 51).

В ст. 15 Невеста «слыша о себе такие похвалы, взаимно воздает жениху похвалами, своею хвалебною речью не усвоив ему того, чего он не имеет, а истинно уразумева и созерцая красоту его» (Ориген – Иероним, с. 161). Именно, восхищенная вниманием к себе царя, Невеста хвалит красоту и любезность его, Возлюбленного своего, и зовет его, с целью полного наслаждения, на лоно природы, где ложе – зелень, кровли домов из кедр и потолки из кипариса. «Исследуя, какого свойства эти деревья, и замечая, что кедр – дерево не гниющее, а кипарис имеет весьма приятный запах, старайся и ты так устроить дом свой, чтобы и о тебе могло быть сказано: кровли домов наших – кедр, а потолки наши – кипарисы». (Ориген – Иероним, с. 162).

Глава 2

1–7. Третья строфа первого отдела книги. Невеста и Жених взаимно обмениваются похвалами друг другу, но затем под сильными впечатлениями пламенной любви Невеста изнемогает, испытывает как бы болезнь любви и наконец, погружаясь в полусознательное состояние, заклинает дочерей иерусалимских не будить любовь до тех пор пока она не явится сама собою. 8–17. Описание Возлюбленного со стороны Невесты, весенний привет любви первого к последней и обратно.

Песн.2:1. Я нарцисс Саронский, лилия долин!

Высказавши выше (Песн. 1.15–16) призыв Возлюбленному своему последовать на лоно природы, Невеста теперь скромно и себя саму представляет дитятею девственной природы (как бы в противоположность искусственному великолепию дворца Соломонова), восклицая о себе: «я – нарцисс Саронский, лилия долин». Евр. *хабаццелет* (встреч. еще в Ис 35.1), переданное в русск. перев. словом "нарцисс", имеет, впрочем, неопределенное и скорее более общее значение, как и стоит у LXX: *αρθος του λεβιου*, Vulg. *flos campī*. Поэтому все попытки – точнее определить название этого цветка: нарцисс (уже Таргум передает: наркос), роза (Бётхер), тюльпан (Вайгингер) имеют гадательное значение, по Гезениусу это – (по терминологии Линнея) *Colchium autumnale*.

Под именем Сарона Евсевий и Иероним (*Onomast.* 834) различают две местности: одну между Фавором и морем Тивериадским (теперь Сарона к северу от вадии ел-Бире), другую – более известную по побережью Средиземного моря и горам Израильским от Ионнии до Кесарии (1Пар 27.29; Ис 33:9, 35:2). Может быть, в данном случае в виду близости первой местности к городу Сонаму, родине Невесты Суламиты (ср. Песн 7.1), имеется в виду именно она. Евр. *шошан* (ср. Песн 2.16, 4.5, 5.13, 6.2, 7.3) обыкновенно переводами (LXX: *κρινον*, Vulg. *lilium*) и толкователями передается словом: лилия, хотя, вероятно, в древности означало цветы не одной только породы и не только белого цвета (по Песн 5.13, лилия имеет красный или розовый цвет – в роде *lilium rubens* у Плиния); по Гезениусу, *Anemone coronaria*. Ориген, относя стих 1-й к словам Жениха, комментирует ст. 1 так: «Ради меня, находящегося долу, Он – сходит в долину, и, приведши в долину, делается лилиею. Вместо древа жизни, которое насаждено было в раю Божиим, Он сделался цветком целого поля, то есть целого мира и всей земли. Ибо что может быть цветком мира в такой степени, как имя Христово?» (с. 163).

Песн.2:2. Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами.

Если Невеста только из скромности называет себя лилиею долин (ст. 1), то Жених сравнение ее с лилиею берет образом ее великой красоты и несравненного превосходства пред всеми другими придворными женщинами (ср. Песн 6.8–9). «Как лилия не может быть сравниваема с тернами, между которыми она всегда появляется, так ближняя моя над всеми дщерями есть то же, что лилия посреди тернов» (Ориген – Иероним, с. 163).

Песн.2:3. Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей.

Ответные слова Невесты (ст. 3а) представляют полную параллель похвал ей со стороны Жениха (ст. 2). Яблонею (евр. *תַּנְהוּאָה*, греч. *μηλον*, лат. *malus*), как и ниже под яблоками (ст. 5, см. Песн 8.5), разумеется не наша яблоня, не имеющая тех свойств плодов своих, которым усвоятся плодам этой яблони (ст. 5), не растущая в качестве лесного дерева и вовсе не встречающаяся в Палестине, а другое какое-то плодовое дерево: апельсиновое, лимонное или абрикосовое. Пребывание в тени этой яблони и вкушение ее плодов здесь, как и ниже (ст. 5, см. Песн. 4.16, 7.14) образ привлекательной близости и ограды ласк Возлюбленного. «Все деревья, все древесные произрастания в сравнении с Словом Божиим почитаются неплодоносными лесами. Для Христа все, что бы ты ни назвал, есть лес, и все бесплодно. Ибо что, в сравнении с Ним, может быть названо плодоносным? Даже деревья, которые, по-видимому, гнутся от множества плодов, в сравнении с пришествием Его, оказываются бесплодными» (Ориген – Иероним, с. 163).

Песн.2:4. Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною – любовь.

Песн.2:5. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви.

«Он ввел меня в дом пира» – выражение совершенно параллельное словам Песн 1.3 «царь ввел меня в чертоги свои», но в отличие от этого места, имеет метафорический смысл, образное выражение родственной мысли, как показывает уже выражение (4б): «знамя его надо мною – любовь». Смысл тот, что пламенная любовь, подобно воинскому знамени, защищает Невесту, развеиваясь над ее главою (см. Песн 6.4, 10). Не столь ясно чтение ст. 4 по славянск. тексту «введите мя в дом вина, вчините ко мне любовь», представляющее точный перевод с греческого текста. «Вино» здесь берется в ассоциации с Песн 1.1, 3, как образ веселья, и "дом

вина" (Vulg. cella vinaria), вопреки буквальному пониманию у многих новых толкователей, есть только образ полноты радостей любви. Мидраш истолковывает ст. 4 так: «Общество Израилево говорит: Бог ввел меня в великое виноградное точило, на Синай, и там дал мне мое знамя, – закон, заповеди и добрые дела, – и я приняла их с великою любовью» (S. 59).

Преисполненная впечатлениями любовных ласк Жениха, как бы опьяненная их действием (сн. Песн 5.8), Невеста переживает своеобразную болезнь любви, как бы раненная (LXX) или уязвленная (слав.) стрелой любви, почему, обращаясь к дочерям иерусалимским, она просит их подкрепить ее вином (точнее: «пастилою», как в перев. архим. Макария; евр. *ашиша* означает именно пирожное из прессованных ягод, вообще фруктов, ср. Ос 3.1) и освежить яблоками (ст. 5).

По мнению некоторых (Беттхер и др.), здесь разумеются особого сорта яблоки, относительно которых восточные женщины, особенно обитательницы гаремов, были убеждены в связи их с половой любовью. Но нечто подобное из Библии известно лишь об «яблоках любви» – мандрагорах (Быт 30.1; Песн 7.14). Мидраш вторую половину ст. 5 перефразирует так: «Община Израилева говорит пред Богом: все страдания, какие причиняют мне народы, происходят только оттого, что я люблю Тебя» (S. 60).

Ориген и Иероним понимают болезнь любви тоже в нравственно аллегорическом смысле: «Как прекрасно, как привлекательно получить рану от любви! Иной принял в себя стрелу плотской любви, другой уязвлен земною страстью; ты же обнажи члены твои и предоставь себя стреле избранной, стреле прекрасной, ибо стрелок есть Бог (Ис 49.2, 6)... Эту стрелой были уязвлены те, которые рассуждали между собою: «не сердце ли наю горя бе в наю, ...егда сказоваше нам Писание» (Лк 24.32)» (с. 167).

Песн.2:6. Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня.

Данный стих представляет обоснование предыдущего и содержит указание источника страстно и как бы болезненно развитой и напряженной любви: нежнейшая любовь и заботливость со стороны Возлюбленного обнимают все существо и наполняют всю жизнь Невесты (сн. Песн 8.3). «Слово Божие держит премудрость и в шуйце и в деснице, и премудрость эта, хотя по различию ее разумения бывает многоразлична, но в своем источнике одна. Сам Соломон учит о шуйце и деснице Премудрости: «долгота бо жития и лета жизни в деснице ея, в шуйце же ея богатство и слава.» (Притч 3.16).» (Ориген-Иероним, с. 168. См. Толков. Библия, т. IV, с. 904).

Песн.2:7. Заклинаю вас, дщери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно.

Первый отдел книги заканчивается своеобразною клятвою или заклинанием, три раза встречающимся в книге Песнь Песней (Песн 2.7, 3.5, 8.4) и более нигде в Писании, клятвою к иерусалимским женщинам сернами или полевыми ланями не возбуждать любовь (а не «возлюбленную», как в Вульгате и в русск. Синодальном и Архим. Макария), пока она пробудится сама.

Формула клятвы «сернами или полевыми ланями» по мазоретскому тексту подтверждается текстами; Сирским, Вульгатою (per cargeas cervosque caproium) и русским и заслуживает предпочтения пред формулою греч. и слав. «в силах и крепостях села». Основание своеобразной поэтической формы этой клятвы заключается не в чем ином, как в особенной грации и красоте газелей и ланей, в силу чего они являются наиболее подходящим образом – женской красоты и миловидности ((Притч 5.19); Толков. Библия. т. IV, с. 908), а вместе и женской любви; особенно уместна и естественна такая клятва в устах женщины и в обращении к женщинам же (во всех трех названных случаях: Песн 2.7, 3.5, 8.4), которых Невеста настоятельно предостерегает от соблазна преждевременно и искусственно вызывать и воспламенить в себе пламя любви, напротив советует предоставить пробуждение и развитие этого чувства природе и Богу. Здесь – мораль всего отдела 1 (Песн 1.1 – Песн 2.7): последовательное развитие чувства любви – от первого искания лобзания Возлюбленного до полного изнеможения любви послужило для Невесты основанием сделать упомянутое предостережение подругам. Указываемый ею закон нормальной постепенности в любви имеет силу и в аллегорическом толковании – в применении содержания книги к природе, к истории Израиля и к истории спасения. По объяснению проф. Олесницкого, первый отдел книги Песнь Песней может быть назван зимнею или предвесеннею песнью сетования обетованной земли о солнце, уклонившемся от нее в своем зимнем течении, а также песнью первого, печального периода в истории Израиля – пребывания в Египте и странствования по пустыне (Цит. соч. с. 368–369).

Песн.2:8. Голос возлюбленного моего! вот, он идет, скачет по горам, прыгает по холмам.

Песн.2:9. Друг мой похож на серну или на молодого оленя. Вот, он стоит у нас за стеною, заглядывает в окно, мелькает сквозь решетку.

Новая картина открывается рядом воспоминаний Возлюбленной о

блаженных минутах имевшего место ранее единения ее с Возлюбленным. Монолог Суламиты, передающий это свидание (Песн 2.5), по мнению некоторых комментаторов, может считаться написанным раньше первого отдела, так как в нем идет речь о причине, по которой Суламита разлучилась с отцовским домом; «автор поступил очень тонко, воспользовавшись предшествующими главному действию событиями только как первыми нитями для остальной ткани» (Карпелес, стр. 81). В изображении в ст. 8–9 Возлюбленного, отличающемся чрезвычайной живостью, выставляется на вид величайшая подвижность и неуловимость Возлюбленного, так что невольно возникает аналогия ею с быстро движущимися стихиями. «Второй отдел Песни Песней 2:5, говорит проф. Олесницкий, в отличие от первого, может быть, назван Песнью весны. Скрывавшееся от земли солнце теперь само вызывает ее к жизни. Отдел начинается отрывочными словами «голос возлюбленного моего». Жених находится в таком отношении к невесте, что она слышит только его голос, чувствует его дыхание, но не знает, откуда приходит и камо идет (Ин 3.8). Подобно неуловимому ветру и быстроногой серне, он пробегает по стране, перескакивает через горы и холмы. В отношении к человеческому образу такое представление было бы весьма неестественно; но в отношении к вольному лучу солнца, не знающему препятствий ни в горах, ни в долинах, это в высшей степени натурально. Прекрасно идет сюда и то, что говорится в следующем (9) стихе о возлюбленном, засматривающем на бегу в окна, мелькающем сквозь решетки домов» (с. 369). Ещё более удобопонятными отмеченные черты являются при типическом истолковании их о Христе, какое дает Ориген (с. 170 ср. Мидраш, с. 67–68). В тексте LXX и слав. в ст. 9 имеется прибавка: $\epsilon\tau\iota\ \tau\alpha\ \omicron\rho\ \text{В}\alpha\iota\theta\eta\lambda$, Вефильских; в др. текстах и переводах прибавка эта не находит для себя опоры.

Песн.2:10. Возлюбленный мой начал говорить мне: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!

Песн.2:11. Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал;

Песн.2:12. цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей;

Песн.2:13. смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!

Здесь имеем законченную строфу, начинающуюся и оканчивающуюся приглашением Возлюбленного Невесте пользоваться прелестями наступившей весны, скрывающейся в Палестине по миновании «времени

дождей» (*этгешамим* 1Езд. 10:9, 13), частнее позднего дождя (*малкош*). Весенний солнечный луч, прободающий природу, касающийся высоких палестинских гор, не забывает заглянуть и в жилище человека. Встань, прекрасная моя, говорит он всему живущему во святой земле, пора оставить зимний покой и выступить на простор для новой жизни... Стихи 12–13 изображают вешний вид палестинской природы в это время года, по преимуществу называвшееся месяцем цветов, *ziv*, подобно нашему месяцу маю». (Олесницкий, с. 370). Священный поэт при этом выбирает такие черты весны – цветы, пение, благоухание, – какие способны возбуждать любовь к природе и людям. По нежной любви к природе и свежему аромату, эта «весенняя песня» есть редкое явление в целой древности.

Песн.2:14. Голубица моя в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лицо твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лицо твое приятно.

Песн.2:15. Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете.:

«О, голубица моя, говорит Палестине любующеся ею солнце, дай мне смотреть на лицо твое и слышать голос твой», очевидно, разумеется тоже лицо природы, покрытое цветами, и тот же голос возвратившихся в Палестину перелетных птиц, о которых говорилась непосредственно пред тем. Прибавочное выражение: «из-под ущелий и скал и утесов» (покажи мне лицо твое) – самое точное описание грунта Палестины, покрытой суровыми скалами и только из долин и воды смотрящей свежестию и жизнью» (Олесницкий, с. 370). Ст. 15 является совершенно неожиданною вставкою, прерывающею диалог жениха и невесты; может быть, это отрывок песни рабочих виноградника, приводимый Суламитою по воспоминанию о своей подневольной службе в охранении виноградника (Песн 1.5). Смысл стиха ясен: «сила, покровительствующая Палестине, не может смотреть равнодушно на врагов ее, кто бы они ни были, простые лисицы или лисицы политические» (Олесницкий, с. 370).

Песн.2:16. Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему; он пасет между лилиями.

Песн.2:17. Доколе день дышит *прохладю*, и убегают тени, возвратись, будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор.

С ст. 16 данной главы по ст. 4-й главы 3-ей изображается ответное – на призыв Жениха, ст. 8–14, – стремление Невесты к нему. Эпитет Возлюбленного (ст. 16, сн. Песн 6.2–3) «пасущий между лилиями» лучше всего показывает, что Жених Песни Песней лишь в несобственном смысле на метафорически-поэтическом языке называется пастухом. Невеста

высказывает крепкую уверенность в незыблемой твердости взаимных чувств, любви, соединяющих ее с Возлюбленным (ст. 16, см. Песн 7.11). Однако сейчас же она предвидит и предстоящую разлуку с ним и потому в ст. 17-м, имеющем отношение к первым стихам следующей главы. Она ввиду наступающего заката солнца умоляет Возлюбленного скорее вернуться с «гор разделения» (евр. *gare – батер*, LXX: τα ὄρη κοιλῶματων, Vulg. montes Bether, слав. «на горах юдолий»). Подобный же оборот речи речи имеет место ниже в Песн 4.6.

Глава 3

1–5. Суламита ночью тревожно ищет своего Возлюбленного и наконец находит его. 6–11. Торжественный выход царя Соломона и торжество его бракосочетания.

Песн.3:1. На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его.

Песн.3:2. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его.

Песн.3:3. Встретили меня стражи, обходящие город: «не видали ли вы того, которого любит душа моя?»

Песн.3:4. Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя, ухватила за него, и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей.

Песн.3:5. Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно.

Все, что рассказывается здесь, происходит в глубокую ночь (ст. 1) и относится более к грезам и сновидениям Суламиты, чем к действительности, в которой, по библейско-еврейским понятиям, было бы непристойным для невесты искать жениха ночью по улицам города (вероятно, Иерусалима), ср. Притч 7.11. Гораздо более удовлетворительный смысл дает аллегорическое объяснение данной главы. «Возлюбленные (солнце и земля) расстались с взаимным томлением и скорбью. Особенно земля не может успокоиться, ей тошно, ей не лежит на ложе. Стихи 1–2 третьей главы – прекрасное поэтическое изображение той скрытой борьбы, которая чувствуется в палестинской природе ночью, того трепета, который стоит в самом воздухе и делает все окружающее как бы дрожащим. Земля ищет солнца и – скоро найдет (весенняя ночь не длинна.) Отдел оканчивается, как и предшествующий, обращенным к населению Палестины заклинанием – не портить той гармонии и любви, которые царствуют в кипящей медом и молоком палестинской природе» (Олесницкий, с. 370–371). Мидраш истолковывает данный отдел о религиозной и гражданской жизни Израиля во время ночей (т. е. пленений) египетской, вавилонской, мидийской, греческой и римской (с. 82).

Песн.3:6. Кто эта, восходящая от пустыни как бы столбы дыма, окуриваемая миррою и фимиамом, всякими порошками мироварника?

Песн.3:7. Вот одр его – Соломона: шестьдесят сильных вокруг него, из сильных Израилевых.

Песн.3:8. Все они держат по мечу, опытны в бою; у каждого меч при бедре его ради страха ночного.

Песн.3:9. Носильный одр сделал себе царь Соломон из деревьев Ливанских;

Песн.3:10. столпцы его сделал из серебра, локотники его из золота, седалище его из пурпуровой ткани; внутренность его убрана с любовью дочерьми Иерусалимскими.

Песн.3:11. Пойдите и посмотрите, дщери Сионские, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его в день бракосочетания его, в день, радостный для сердца его.

Величественность изображаемой здесь картины побуждает священного писателя вывести новую группу действующих лиц, именно хор подруг Невесты, восклицанием ст. 6-го выражающих свои чувства восторга и удивления пред открывающимся здесь величественным зрелищем. Общий смысл нарисованной здесь картины обыкновенно понимается так, что здесь изображается бракосочетание царя Соломона с избранною Невестой Песни Песней, причем в ст. 6 представлено брачное шествие Невесты, в ст. 7–10 – встречный царский поезд жениха Соломона, а ст. 11 говорит о бракосочетании их, как уже совершившемся факте. Вопрос или восклицание ст. 6 естественно относить именно к Невесте и ее движению, как могут подтверждать это и параллели Песн 6.10 и Песн 8.5. Что касается ст. 6–10, то описание здесь одра евр. *митта* или носильного одра (*αππιριον* греч. ψορε τον) и вся вообще изображаемая здесь обстановка парадного выхода и всего придворного великолепия царя Соломона, вполне подтверждаются всем, что известно о Соломоне из 3-й книги Царств и 2-ой Паралипоменон. Но нельзя не упомянуть здесь того объяснения, какое дает рассматриваемому отделу Песн 3.6–11 проф. А. А. Олесницкий, с точки зрения своей, уже известной нам, теории о происхождении, смысле и значении книги Песнь Песней. «Сущность этой строфы, говорит он, есть поэтическое изображение восхода солнца, по котором, как мы видели в предшествующей строфе, земля томилась в течение ночи... Изображение стиха шестого не может иметь никакого отношения к человеческой фигуре; сравнение человека со столбами дыма было бы не изящно и не натурально. Солнце же палестинское, восходящее именно со стороны пустыни (так называлась горная область Иудеи на восток от Иерусалима) среди синего пара вечно стоящего над моавитскими горами, для наблюдающего с иерусалимских гор является

именно в столбах дыма, названного у поэта благовонным дымом мирры и фимиама, то есть подобным тому дыму, который дымился на жертвеннике храма (выход солнца встречался сожжением жертвы в иерусалимском храме» (с. 371).

Возражением против этого является женский род местоимения в вопросе: "кто эта..." (евр. *мизот*) и отмеченная нами параллельность ст. 6 двум другим местам (Песн 6.10, 8.5), в которых, несомненно, имеется в виду невеста. Первое возражение легко устраняется у проф. Олесницкого указанием на то, что евр. *шемеш* солнце в древнейшем еврейском языке женского рода, что подтверждается нередкою женскою конструкциею при нем глагола, напр., Быт 15:17, 19в Ktib, Наум 3.17 (с. 359). Но некоторая неожиданность появления в речи священного поэта подразумеваемого (будто бы) *шемеш* остается в силе. Однако посредствующим понятием является мысль о царе Израильском, а затем, как вершина всего, имеется в виду и мысль о Мессии. «Восхождение «обетованного» (Ис 30.26) солнца, – говорит в этом смысле проф. Олесницкий, – может означать только момент появления ожидаемого исполнителя судеб Божиих о Его земле и народе. И вот этот совершитель появляется в лучах вещественного солнца и есть не кто другой, как царь Соломон, политическое солнце страны (Solomon перс. sol солнце). В Песн 3.7–11 говорится именно о восшествии на престол Соломона и о торжественном появлении его народу. Изображенные здесь необыкновенные носилки, подобно колесницам в Песн 6.12, служат вместе и царским сидалищем и атрибутом солнца (4Цар 23.11)... Бракосочетание, о котором здесь говорится, есть завет, заключаемый между царем и народом при вступлении царя на престол, и вместе поэтический завет солнца и земли, который поэты всех времен и народов находили в весеннем отношении солнца к земле. Но это не все. Соединение двух образов восхождения солнца и вступление на престол великого царя должно было приводить в сознание новый высший образ Мессии Царя, которого имя: Восток, и Солнце Праведное. По объяснению Мидраша (Midr. III, 11, s. 99), под царем упоминаемым в 3:11, разумеется царь – Мессия, поскольку только он может привести в гармонию явления тепла и явления холода, действия Ангела зимы Михаила и Ангела весны Гавриила» (с. 372–373).

«Страх ночной» (ст. 8) – боязнь призраков и под. существовал у евреев с древнейших времен (Иов 4.14; Руфь 3.8; Притч 3.23–25; Пс 90.5) до позднейших (Мф 14.26).

Глава 4

1–7. Похвалы царя своей новобрачной. 8–15. Признание царя в своих чувствах к ней и новые похвалы ей. 16. Ответное слово невесты.

Песн.4:1. О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои – как стадо коз, сходящих с горы Галаадской;

Песн.4:2. зубы твои – как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними;

Песн.4:3. как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока – ланиты твои под кудрями твоими;

Песн.4:4. шея твоя – как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем – все щиты сильных;

Песн.4:5. два сосца твои – как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.

Песн.4:6. Доколе день дышит *прохладю*, и убегают тени, пойду я на гору мирровую и на холм фимиама.:

Для изображения красоты невесты священный поэт соединяет в один образ многочисленные и разнообразные черты и штрихи природы, причем последние решительно преобладают над чисто человеческими чертами и отнюдь не суть *rinista comparandi*, а именно принадлежат образу невесты, как особенно видно из ст. 12–15, где штрихи природы без посредства сравнительной частицы прямо представляются предикатами невесты. Здесь именно, как и в других частях книги, оправдывается воззрение проф. Олесницкого, что центр тяжести содержания Песни Песней лежит не в изображении человеческой личности и ее фигуры, а в изображении палестинской природы в библейский период, период обилия естественных благ и развития материальной и духовной культуры в стране обетованной. «Если доселе обетованная земля изображалась только в ее отношениях к солнцу и в неясных еще чертах, то теперь, в период полного ее летнего цветения, она описывается сама для себя, и притом в чертах неприкровенных. Красота изображаемой здесь невесты состоит в стадах коз лучшей галаадской породы, в стадах многоплодных овец, в садах гранатовых деревьев и всяких благовонных кустарников, и получивших теперь особенную прелесть источниках живых вод, текущих с гор; невеста дышит медом и молоком и благоухает благоуханием Ливана и запахом благословенных Богом полей, прибавляет мидраш (IV, 11) на основании Быт 27:27» (проф. Олесницкий, с. 373).

Таков общий смысл и таково общее содержание рассматриваемой (IV-й) главы. Далее, пояснения требуют отдельные выражения, особенно в местах, бывших не вполне понятными уже для древних переводчиков книги, и потому далеко неодинаково переданных разными переводами.

«Глаза твои голубиные» (ст. 1), точнее с евр.: глаза твои – голуби, – выражение, буквально повторяющее стоящее ранее Песн 1.14. Но здесь при нем стоит новое определение – евр. *миббаад лецамматех*, повторяющееся (в несколько другом сочетании) еще два раза ст. 3 данной главы и ст. 7 гл. VI-й. Выражение это было непонятно уже для LXX, передавших его во всех трех местах темным и неопределенным выражением: 'εκτος της σιωπης σου, слав. «кроме замолчания твоего». Столь же неопределенно передается это место в Вульгате: *absque eo, quod intrinsecus latet* (Песн 4.1, 3) или: *absque occultis tuis* (Песн 6.7). Таким образом, и LXX и Вульгата сообщают рассматриваемому месту смысл метафорический, но выражают его слишком неясно. Мидраш (s. 103) считает слово *миббаад* арабским, соответствующим евр. глаголу *арах* идти, но и это словопроизводство не дает определенного смысла; притом ближе искать аналогии слову *цамма* в халд. *дамам* или *цамцам* покрывать. Поэтому не вполне удачен и русский синодальн. перевод: «под кудрями твоими». Правильнее понимать *цамма* в смысле «покрова», «покрывала», какое значение это слова, несомненно, имеет в Ис 47.2, и все выражение переводить с архим. Макарием: «из-под покрывала твоего».

Волосы невесты сравниваются (ст. 1) со стадом коз на горе Галаадской. Галаадом (ср. *Onomast.* 318) в Библии называется вся страна к востоку от Иордана, от потока Арнона до южных склонов Ермона (Втор 34.1; Нав 22.9, 13, 15; Суд 20.1), а также, частнее, горная местность от Ярмука до возвышенности Есевона в отличие от равнины Васана (Нав 17.1, 5; 4Цар 10.33); в тесном же смысле Галаадом назывались отдельные горные кряжи, напр., Быт 31.21, как нынешние: Джебел Джил'ад, к югу от Иавока, Джевел Аджлун и др. Галаад вообще и особенно гористая часть его были годны для скотоводства, и скота здесь всегда водилось много (Чис 32.1; Иер 50.19; Мих 7.14). Водились здесь во множестве и козы. Сравнение волос с стадом коз имеет целью отметить их черный, блестящий цвет и шелковистую мягкость. Напротив, белизна зубов (ст. 2) поясняется сравнением с волною белых (ср. Ис 1.18) и гладко выстриженных, и предварительно вымытых овец.

Под башней или столпом Давида, с которым сравнивается, вероятно, относительно стройности и гладкости, шея невесты (ст. 4), разумеется башня, назначенная быть своего рода арсеналом и построенная Давидом

где-либо на Сионском холме. Назначение башни обозначено евр. словом *леталлийот*. LXX не поняли значения этого слова и оставили его без перевода: εἰς θλιωθ; Vulg.: cum propugnaculis. Но еще р. Кимхи указал на родство второй части этого евр. слова с *нэ уста*, plur. пийот, острие меча (ср. Притч 5.4; Суд. 3.16); если же первую часть слова сблизить с глаголом *тала* вешать, то вполне можно будет принять перевод архим. Макария: «столб Давидов, сооруженный для вешания оружия».

Слова ст. 6 являются вполне параллельными Песн 2.17 и представляют как бы ответ жениха на высказанное там предложение невесты.

Песн.4:7. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!

Стих составляет заключение первой половины главы и содержит в себе обобщение высказанных доселе похвал совершенствам невесты: здесь она представляется свободною от всякого недостатка или порока и полною всех совершенств. Это изображение невесты отразилось на представленном у св. апостола образе совершенства Церкви (Еф 5.27), а в церковно богослужебном употреблении, как было уже упомянуто, перенесено было на чистейший образ Пренепорочной Девы Богоматери.

Песн.4:8. Со мною с Ливана, невеста! со мною иди с Ливана! спеши с вершины Аманы, с вершины Сенира и Ермона, от логовищ львиных, от гор барсовых!

Одушевленный любовью к невесте, жених настоятельно призывает ее к себе «с Ливана, с вершин Аманы, Сенира и Ермона – от логовищ львов и барсов» (ст. 8), т. е. оставить дикие и величественные горные возвышенности, близкие к ее родине – г. Сонаму и стремиться жить единою с ним жизнью. Горы, названные в ст. 8, представляют отдельные горные кряжи в горной цепи Ермона (или Аермона) и Ливана, причем Ермон есть еврейское название, соответствующее финикийско-хананейскому Сенир (Втор 3.9; Ономаст. 30). Слову Аманы у LXX-ти придано нарицательное значение: αλο αρχης της πιστεως, слав. «из начала веры», что, по мнению проф. Олесницкого, оправдывается записанным в книге Еноха преданием о том, что первые верующие в человечестве жили на горах Ливана (с. 47).

Песн.4:9. Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей.

Песн.4:10. О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста! о, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов!

Песн.4:11. Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию

Ливана!

Изображают то восторженное впечатление, какое произвела на жениха – царя невеста своею привлекательною внешностью, а еще более, конечно, своими духовными достоинствами (к ст. 10 ср. Песн 1.1). При этом особенная близость возлюбленной к возлюбленному выражается не только названием невеста (ст. 8, 11), но и двойным: «сестра моя, невеста» (ст. 9, 10, 12) По замечанию Мидраша (IV, 10–11), Израиль десять раз в Писании назван невестою: шесть раз в Песни Песней, и четыре раза у пророков, именно: три раза у Исаии (Ис. 49:18, 61:10, 62:5), и один раз у Иеремии (Иер. 7.34), – по числу десяти заповедей; и эта невеста наряжается в 24 украшения, поименованные у Исаии (Ис 3.18–28) – по числу священных книг Ветхого Завета (с. 123–124). Характеристика невесты в ст. 11, как обилующей медом и молоком, сама собою напоминает библейскую характеристику Святой Земли или Палестины, как земли, текущей молоком и медом (Исх 3.17 и др). О благоухании Ливана ср. Ос 14.7.

Песн.4:12. Запертый сад – сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник:

Песн.4:13. рассадники твои – сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами,

Песн.4:14. нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами;

Песн.4:15. садовый источник – колодезь живых вод и потоки с Ливана.

Теперь жених начинает говорить о невесте в третьем лице, но тем с большею щедростью воздает ей похвалы. Смысл названий: «запертый сад», «заключенный колодезь», «запечатанный источник» уясняется из аналогии Притч 5.15–18, где источник является символом супружеской любви и ласки жены, которыми пользуется только ее муж и ни один посторонний мужчина; следовательно, названия эти характеризуют безусловную непорочность, чистоту и целомудрие невесты. Вместе с тем, как показывают дальнейшие стихи, 13–15, выражения эти обозначают и вообще плодородие (ср. Ис 58.11), в духовном смысле – обилие добродетелей невесты. В ст. 13 сад в подлинном тексте назван *пардес*, словом, всего 3 раза встречающимся в Ветхом Завете (еще Еккл 2.5; Неем 2.8). Это слово происходит, вероятно, от санскритского *paṛīdāya*, сохранившегося в греч. *παράδεισος*, рай; собственно; огражденное место, парк и т. п.

Песн.4:16. Поднимись ветер с севера и принеси с юга, повеи на сад

мой, – и польются ароматы его! – Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его.

Стих слова невесты, спешащей приготовить сад свой к приему друга: северный и южный ветры (Вульг.: Aquilo, Auster) приглашаются всюду развеять ароматы сада невесты, чтобы слава ее привлекла все народы (ср. Пс 44.14–17).

В духовном, нравственно-психологическом смысле «это – изображение души святой, преданной Богу. Благодатные дары, как благовонные цветы, украшают ее; но они являют силу свою другим не прежде, как повеет на душевной вертоград тот Дух, который «идеже хочет, дышет» (Ин 3.8). Когда Ему угодно, облагодатствованная душа испускает благоухания, – животворит и радуется другим; когда не угодно, она есть вертоград заключен, и никто не знает, какие сокровища таятся в ней» («Воскресн. Чтен.», т. V (1841–42 гг.), с. 160).

Глава 5

1. Пир возлюбленного. 2–7. Ночные впечатления невесты в поисках своего друга. 8–16. В беседе с девицами иерусалимскими она превозносит похвалами своего друга.

Песн.5:1. Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с медом моим, напился вина моего с молоком моим. Ешьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!

В ответ на приглашение или пожелание невесты (Песн 4.16) возлюбленный приходит в сад свой, и из всех плодов и пряностей его устраивает пиршество для гостей и друзей. В текстах LXX, слав. Вульг.: вторая половина ст. 16-го гл. IV-й отнесена к 1-му ст. V-й и, что сообщает большую цельность смежным и родственным мыслям, – оканчивающей одну главу и начинающей другую.

Песн.5:2. Я сплю, а сердце мое бодрствует; *вот*, голос моего возлюбленного, который стучится: «отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои – ночью влагою».

Песн.5:3. Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его? Я вымыла ноги мои; как же мне марать их?

Песн.5:4. Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась от него.

Песн.5:5. Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка.

Песн.5:6. Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне.

Песн.5:7. Встретили меня стражи, обходящие город, избивали меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены.

В словах: «Я сплю, а сердце мое бодрствует» – дана верная и точная характеристика пламенной любви, наполняющей все существо любящего существа даже во время сна: одного слова возлюбленного достаточно для того, чтобы любящая его пробудилась от сна. Мидраш (s. 134) так перифразирует слова ст. 2-го: «Общество Израилево говорит пред Богом: Господь мира! я сплю и не исполняю заповедей, но сердце мое бодрствует, оно возбуждено любовью к людям; я сплю, не говорю о благотворительности, но сердце мое бодрствует, чтобы совершать ее, я сплю – я опускаю жертвоприношения, но сердце мое бдит, благоговейно

настроенное к чтению «шема» и молитвы; я сплю – не иду в храм, но сердце мое бдит – стремится в синагоги и школы; я сплю – не рассчитываю (конца страданий), но мое сердце бдит – пламенно желает избавления, и сердце Божие бдит – избавить меня».

То, что далее говорится: 1) о медлительности и как бы неохоте невесты отпереть двери стучащемуся с ночного холода в дверь ее жениху (ст. 3) и 2) о внезапном исчезновении его после того, как она отперла двери (ст. 6, сн. 5), является не вполне понятным в области человеческих отношений взаимной любви. Поэтому не лишено интереса и значения разъяснение этого места проф. Олесницким в духе своей, известной нам уже, теории. «Ранним утром, когда Палестина еще спит, восходящее солнце уже стучится в ее дверь своими лучами, еще как бы влажными от ночной свежести и обильной летней росы. Но теперь оно встречает уже не весеннюю легкую и подвижную жизнь, но жизнь, уже прельщенную продолжительным ликованием и лениво отвечающую на зов дневного светила. Солнце оскорбилось и, когда земля наконец проснулась, сокрылось в серой песчаной мгле, наступило частое в Палестине в это время года явление самума, поэтически изображенное в стихе 7-м. Землю встречают некие стражи, которые бьют ее и насильственно срывают с нее прекрасное покрывало ее растительности: разумеются те созвездия, которые, по древней космогонии, служат причиной бурь и волнений на поверхности земли... Хотя и выше, в весенней песне (Песн 3.3), Палестина встречалась с подобными же стражами, но тогда они не причиняли ей такого вреда, как теперь, среди лета, и прошли мимо молча (раннюю весною явления самума бывают слабы)... Среди неожиданной бури, изменившей и обнажавшей лицо всей страны, невеста с сожалением мечтает о сокрывшемся мирном и прекрасном солнце и изображает его в поэтическом образе Песн 5.10–16, черты и краски которого наглядно обозначают блеск солнца и чистоту его лучей... Где же теперь твой жених – солнце? спрашивают Палестину. Он сошел в свои эфирные сады, но он все-таки мой, и я принадлежу ему по преимуществу» (с. 375–376).

Песн.5:10. Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других:

Песн.5:11. голова его – чистое золото; кудри его волнистые, черные, как ворон;

Песн.5:12. глаза его – как голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие в довольстве;

Песн.5:13. щеки его – цветник ароматный, гряды благовонных растений; губы его – лилии, источают текучую мирру;

Песн.5:14. руки его – золотые кругляки, усаженные топазами; живот его – как изваяние из слоновой кости, обложенное сапфирами;

Песн.5:15. голени его – мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях; вид его подобен Ливану, величествен, как кедр;

Песн.5:16. уста его – сладость, и весь он – любезность. Вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дочери Иерусалимские!

После встречи Невесты с дочерьми Иерусалима и повторения ею (ст. 3) уже известного заклинания (ср. Песн.2.7, 3.5) и ответного возражения с их стороны (ст. 9), Она с великим энтузиазмом дает описание, ст. 10–16, несравненной красоты ее друга, причем «это описание, как и описание невесты, представляет нарочитый подбор штрихов и картин природы, заслоняющих черты человеческого образа, который, однако ж, нужен был и здесь для того, чтобы отдельным штрихам сообщить единство впечатления и чтобы образовать соответствие другому человеческому образу. И здесь человеческие черты стоят так близко к штрихам природы, что даже частица сравнения (как) между ними считается излишнею» (проф. Олесницкий, с. 357–358). Вообще образ Жениха рисуется здесь особенно смелыми сравнениями в чисто восточном духе (голова его – чистое золото; кудри его – виноградные ветви; глаза – голуби... щеки – цветник ароматный, губы – лилии, голени – мраморные столбы)...

Но именно эта гиперболичность изображения Возлюбленного дает основание для перспективного изъяснения этого образа. «По мере того, как мы всматриваемся в эти, залитые светом, картины, человеческий образ жениха все более и более тускнеет и наконец превращается в святозарный образ солнца» (проф. Олесницкий, с. 358). «Но эта благодетельная сила есть не одна только стихийная сила или видимое солнце, но и сила политическая, которую библейские писатели олицетворяли в образе солнца (Иер.15.9) и представителем которой во время написания Песни Песней был царь Соломон, шестикратно названный по имени в нашей священной пиесе» (с. 360). «Указанным сочетанием царя и солнца уже образовался в мысли поэта такой высокий идеальный образ, что к нему весьма удобно было, без всякого нарушения единства картины, присоединить штрихи, определяющие благодетельную стране божественную силу. В солнце и лазури возвышающийся над землею царь Соломон, как благодетельный гений страны, сам собою вызывал в мысли поэта образ прославленного Мессии, имеющего явиться в облаках славы и завершить все высшие премирные благодеяния народу» (с. 362).

Глава 6

1–3. Окончание беседы Невесты с иерусалимскими женщинами о своем Возлюбленном. 4–10. Новые похвалы Соломона своей избраннице. 11–12. Возлюбленная передает какой-то начальный эпизод из истории своей любви.

Песн.6:1. «Куда пошел возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? куда обратился возлюбленный твой? мы поищем его с тобою».

Песн.6:2. Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии.

Песн.6:3. Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой – мне; он пасет между лилиями.

На лишенный искренности, иронический вопрос иерусалимских женщин о местопребывании Жениха (ст. 1), Возлюбленная в духе восточного остроумия отвечает, что он занимается лишь любовью, собирает цветы для нее, и во всяком случае всецело принадлежит ей (ст. 2–3, см. Песн.2.16). Мидраш так комментирует (с. 150) рассматриваемые стихи: «Народы мира говорят Израилю: куда ушел твой Возлюбленный от Египта, моря, Синая? Что спрашивает вы меня о нем, – ответило общество Израилево: что пользы вам спрашивать о нем, какое участие имеете вы в нем? Я не могу, – с тех пор как я с ним соединилась – оставить Его, разлучиться от Него. Где бы Он ни был, Он придет ко мне».

Песн.6:4. Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца, любезна, как Иерусалим, грозна, как полки со знаменами.

Песн.6:5. Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня. Волосы твои – как стадо коз, сходящих с Галаада;

Похвалы Соломона своей Невесте на этот раз начинаются сравнениями: по девственно цветущей красоте ее он сравнивает ее с Фирцею, по привлекательности в эстетическом и нравственном отношениях – с Иерусалимом, по некоей внушительности и внутренней силе – с грозным ополчением. Фирца (Opomast. 540) – ханаанский город, взятый Иисусом Навином (Нав.12.24), при царях израильских от Иеровоама до Замврия, был столицею, и взят Амврием (3Цар.15:21, 33, 16:6–24); теперь селение Таллуза, в 2 часах к северо-востоку от Наблуса (Сихема); славился красотой. LXX, слав. Вульг. заменяет собственное имя Фирца нарицательным: εὐδοκία, благоволение; *suavis*. Тенденцию к нарицательному пониманию этого названия выказывает и Мидраш (с. 152), когда в рассматриваемом стихе усматривает указание «на жертвы,

через которые израильтяне приобретают благоволение» (Лев.1.4). Сравнение Невесты с грозными полками, встречающееся и ниже (ст. 10), указывает, по-видимому, на непобедимость Невесты чарами любви: напротив, сама она оказывает как бы магическое действие на своего Возлюбленного, ст. 5.

Песн.6:6. зубы твои – как стадо овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними;

Песн.6:7. как половинки гранатового яблока – ланиты твои под кудрями твоими.

Сн. Песн. 4:2–3.

Песн.6:8. Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа,

Песн.6:9. но единственная – она, голубица моя, чистая моя; единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей. Увидели ее девицы, и – превознесли ее, царицы и наложницы, и – восхвалили ее.

Здесь заключается бесспорное указание на непосредственное отношение содержания книги Песнь Песней к истории царя Израильского Соломона: как здесь ст. 8, так и 3Цар.11:1, имеем свидетельство о множестве жен у Соломона; меньшее же число его жен, показанное в книге Песнь Песней, по-видимому, говорит о сравнительно раннем написании Соломоном нашей священной книги, – когда многоженство у него еще не развилось до степени страсти и не сопровождалось еще теми губительными последствиями, которые имели место в его старости (3Цар. 11.4).

Упоминание о многих женах Соломона сделано с целью отметить высокое превосходство Суламиты над всеми ими; превосходство это признается даже всеми соперницами ее (ст. 9). В этом отношении Суламита разделяет блаженную судьбу «добродетельной жены» Притч 31.28.

Песн.6:10. Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?

Похвалу несравненным достоинствам невесты священный поэт заканчивает сравнением ее с величественнейшими явлениями природы – зарею, луною, даже солнцем, затем следует выше (ст. 4) употребленное сравнение с грозными полками. При этом сравнение это, подобно Песн 3.6 и Песн 8.5, облечено в форму вопросительного восклицания: «кто это?»

Песн.6:11. Я сошла в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки?

Песн.6:12. Не знаю, как душа моя влекла меня к колесницам знатных народа моего.

Небольшой отдел, обнимающий два эти стиха с присоединением 1-го стиха гл. VII-й, представляется особенно темным и трудным для понимания.

Из многообразных толкований этого места мы избираем то, по которому здесь изображается событие из жизни Суламиты, непосредственно предшествовавшее ее взятию ко двору Соломона. – «Ореховый сад», евр. *гиннат-эгоз* (ст. 11), находился, несомненно, на родине Суламиты: по Иосифу Флавию (Bell. Ind. III, 10, 8), ореховые деревья росли по берегам Тивериадского озера, следовательно, вблизи к Сонаму – родине Суламиты. Ст. 12. «Колесницы» – символ царского величия и роскоши (ср. 1Цар 8.11), быть влечену или поставлену на одну из таких колесниц значит быть возвышену из низменного состояния в состояние непосредственной близости к царю (ср. Быт 41.43). Таким образом, здесь Суламита, переносясь мыслию в даль прошлого, как бы отказывается понять происшедшую в ее судьбе резкую перемену – переход от положения простой поселянки к положению невесты царя и затем царицы. Выражение евр. текста «амми-нариа» переводы – LXX слав. Вульг. передают собственным именем Аминадава (ср. Исх 6.23; Чис 1.7; Руфь 4.19 и др.), причем некоторые древние толкователи странным образом усматривали здесь имя дьявола. На самом же деле здесь, согласно с русским синодальным переводом и перев. архим. Макария («колесницы знаменитых в народе моем»), надо читать в евр. т. два слова: амми-надив – нарицательного значения (как ниже в Песн 7.2) и видеть в рассматриваемом стихе общую мысль о роскоши придворной жизни, причем слово *надив* может иметь и неодобрительный оттенок (в смысле насильника или тирана, как в Иов 21.28; Ис 13.2).

Глава 7

1. Краткая беседа Суламиты с иерусалимскими женщинами. 2–10а. Соломон еще раз восторженно превозносит похвалами свою возлюбленную. 10б-14. Суламита твердо, без всяких колебаний, исповедует свою искреннюю любовь к другу своему и свою безраздельную привязанность ему.

Песн.7:1. «Оглянись, оглянись, Суламита! оглянись, оглянись, – и мы посмотрим на тебя».

Что вам смотреть на Суламиту, как на хоровод Манаимский?

В этом стихе и только здесь невеста книги Песни Песней названа по месту своего рождения Суламита, LXX: Σουναμίτις – помен gentilicum от имени Сунем евр. *Шунем* или *Сонам* – города в Иссахаровом колене (Нав 19.18; 1Цар 28.4; 4Цар 4.8), родины Ависаги (3Цар 1.3) и женщины благотворительницы прор. Елисея (4Цар 4.8); теперь селение Солом к сев. от Зерын (Иезреель), *Onomast.* 690.

Этим именем называют невесту женщины иерусалимские, выражая, вероятно, оттенок восхищения ее красотой. В ответ им Суламита скромно в виде взаимного вопроса, смысл которого таков: «стоит ли такого внимания скромная деревенская девушка, жительница незнатной Галилеи? она ведь не есть что-либо достопримечательное вроде, напр., хоровода Манаимского». Манаим или Маханаим – город на восточной стороне Иордана в колене Гадовом (Нав 13.26, 30; 2Цар 2.8, 12, 29 и др.), его отождествляют с развалинами Махнех к северу от Иавога (*Onomast.* 668). Названием своим местность эта была обязана имевшему некогда здесь место чудесному явлению – виденному патриархом Иаковом ополчению Ангелов (Быт 32.2–3). См. у проф. свящ. А. Глаголева. *Ветхозаветное библейское учение об Ангелах*. Киев. 1900, с 206, 210). LXX, Vulg. слав. дают нарицательное значение рассматриваемому слову: Σουναμίτις, *chogī castrorum*, лики полков. Смысл сравнения не вполне ясен: сведений о хороводах Маханаима мы не имеем. Заслуживает лишь полного внимания мнение (О. Цекклера и др.), усматривающее здесь историческое воспоминание об упомянутом уже небесном ангельском ополчении, явившемся Иакову при возвращении его из Месопотамии (Быт 32.2–3).

Песн.7:2. О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая! Окружение бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника;

Песн.7:3. живот твой – круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твое – ворох пшеницы, обставленный лилиями;:

Песн.7:4. два сосца твои – как два козленка, двойни серны;

Песн.7:5. шея твоя – как столп из слоновой кости; глаза твои – озерки Есевонские, что у ворот Батраббима; нос твой – башня Ливанская, обращенная к Дамаску;

Песн.7:6. голова твоя на тебе, как Кармил, и волосы на голове твоей, как пурпур; царь увлечен *твоими* кудрями.

Песн.7:7. Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью!

Песн.7:8. Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти.

Песн.7:9. Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда, и запах от ноздрей твоих, как от яблоков;

Песн.7:10. уста твои – как отличное вино.

Данное здесь изображение красот невесты в общем напоминает два прежних описания ее: Песн.4:1–7, 6:4–10. Но отличается от них преобладающим чувственным характером (описание начинается снизу – с ног и бедер); при обилии здесь самых смелых сравнений в чисто восточном духе (ст. 2–6), реализм картины достигает высшей степени и даже переходит всякую меру (ст. 9). Ст. 3–4, см. Песн.4:4–5. В ст. 5 Есевон и Батраббим – синонимы. Именем Есевона (Чис 21.26; Втор 1.4 и др. *Onomast 454*) называлась столица Аммореев, а затем моавитян, при И. Навине назначенная в удел колену Гадову (Нав 13.26), теперь Хесбан к юго-западу от Амман. Батраббим (у Кенник. код. 77) или Бат-раббим, у LXX: *θυγατρος πολλων*, слав., «дщерей многих», *Vulg: filiae multitu dinis*, указывает на большую населенность Есевона. Дамаск – главный город Сирии (Ис 7.8), завоеванный Давидом (2Цар 8.6), теперь Димашк-еш-Шам (*Onomast. 378*).

По объяснению проф. Олесницкого, рассматриваемая глава и вообще отдел Песн 6.4 – Песн 8.4 представляет «осеннюю песнь обетованной земли, теперь переполненной вполне уже созревшими плодами и политически окрепшей (годовым сезонам противостоят здесь периоды истории евреев, как это признают Таргум и Мидраш). Палестина покрыта стадами коз так густо, как голова человека волосами; ее созревшие гранатовые яблоки рдеют как девичьи ланиты; ее точила полны готового лучшего вина и проч. Особенно здесь выставляется на вид сопоставление невесты с пальмою, с ее осенними плодами, чего в предшествующих песнях мы не замечали... При этом естественном богатстве и величии, Палестина сильна политически: на ней красуются прекрасные и сильные

города, напр.: Иерусалим, Тирца, Дамасская крепость, ее бранные полки выступают стройно, подобно хорородам (Песн 8.1 по LXX). Образ плодовой пальмы, служащий показателем богатства созревших земных плодов, обозначает вместе с тем высокое значение Палестины, как политической единицы; в таком значении фигурирует пальма между изображениями иерусалимского храма» (с. 376–377).

Песн.7:10. Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных.

Песн.7:11. Я принадлежу другу моему, и ко мне *обращено* желание его.

Песн.7:12. Приди, возлюбленный мой, выйдем в поле, побудем в селлах;

Песн.7:13. поутру пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли почки, расцвели ли гранатовые яблоки; там я окажу ласки мои тебе.

Песн.7:14. Мандрагоры уже пустили благовоние, и у дверей наших всякие превосходные плоды, новые и старые: *это* сберегла я для тебя, мой возлюбленный!

В ответ на пышные и частью неумеренные похвалы совершенствам невесты, она спешно и порывисто заявляет, что она со всеми своими достоинствами и совершенствами всецело принадлежит другу своему (ст. 10б-11), которого она теперь настойчиво зовет на лоно природы, чтобы насладиться ее красотами и произведениями (ст. 12–14). При этом благовоние, разливаемое в саду мандрагорами – этими «яблоками любви», – символизирует силу и жизненность ее любви к своему другу (ст. 14а), а ее мудрая заботливость о нем и житейская ее опытность свидетельствуются обилием и разнообразием сбереженных ею для него прекрасных плодов (14б). Мандрагоры, евр. *дудаим*, – известное на древнем и современном востоке растение *Atropa Mandragora* или *Mandragora vernalis* из породы Белладонны, с небольшими бледно-зелеными и красноватыми цветками на стволе величиною до 1 метра; в мае или июне на нем появляются маленькие желтые, сильно пахнущие яблоки, которые, по свидетельству Плиния, у арабов употреблялись в пищу, хотя и производили снотворное действие. Древний и новый восток, классическая древность и все средние века да новейших времен приписывали мандрагорам чародейную силу искусственного возбуждения половой любви и также оплодотворения бесплодных доколе супружеств. Это верование служит основанием рассказа Быт 30.14–16. В устах же невинной Суламиты это упоминание о мандрагорах (как вместе и о

плодах) есть простой символ истинной любви, силу которой она затем (Песн 8.6–7) неподражаемо изображает.

Глава 8

1–4. Возлюбленная выражает страстное желание, чтобы ее отношения к Возлюбленному получили характер большей простоты и интимности. 5–7. Пламенное исповедание Суламиты несравненной силы истинной любви. 8–10. О сестре Суламиты. 11–12. Воспоминание ее о своем первобытном состоянии. 13–14. В заключение она вновь зовет своего друга, слыша и от него соответствующий призыв, – стремиться на лоно природы для всецелого наслаждения блаженством любви.

Песн.8:1. О, если бы ты был мне брат, сосавший груди матери моей! тогда я, встретив тебя на улице, целовала бы тебя, и меня не осуждали бы.

Песн.8:2. Повела бы я тебя, привела бы тебя в дом матери моей. Ты учил бы меня, а я поила бы тебя ароматным вином, соком гранатовых яблоков моих.

Песн.8:3. Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня.

Песн.8:4. Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, – не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно.

Нормальная половая любовь, хотя и отлична по природе и характеру от любви по крови и свойству, но в отношении интимности, простоты и непосредственности, первая естественно берет за образец вторую; и потому как Жених книги Песни Песней не раз именовал Невесту сестрою (Песн 4.12), так и Невеста, не удовлетворяясь положением своим – первой из цариц (Песн 6.8–9), жаждет теснейшего невозбранного общения с своим Женихом – наподобие ласк сестры и брата. При этом главенствовать должен Жених-брат – он должен учить Невесту-сестру (ст. 2), а она должна дарить ему беззаветную любовь и преданность. Ст. 3 повторяет сказанное в Песн 2.6. По объяснению проф. Олесницкого, в рассматриваемых стихах «земля, совершившая свой летний труд и сдавшая свои плоды, выражает желание, чтобы солнце было ее братом, т. е., неразрывно пребывало вместе с нею для того, чтобы ее виноградники и гранаты непрерывно цвели, чтобы старые плоды немедленно сменялись новыми. Песнь опять оканчивается обращенным к дочерям Иерусалима заклинанием не нарушать царствующей в природе любви и гармонии» (цит. соч. с. 377).

Песн.8:5. Кто это восходит от пустыни, опираясь на своего возлюбленного? Под яблоней разбудила я тебя: там родила тебя мать твоя, там родила тебя родительница твоя.

Вопрос «кто это?» как и в аналогичных местах Песн 3.6 и Песн 6.10,

принадлежащий, вероятно, иерусалимским женщинам, относится, без сомнения, к новому и теперь уже последнему выступлению Невесты. В евр. Библии: *ала мин-гамидбар*, Vulg. *ascendit de deserto*, русск. синод.: "восходит (архим. Макария; восходящая) от пустыни», что буквально согласуется с Песн 3.6 и, вероятно, искусственно перенесено оттуда. LXX читали иначе и передали: *λελευκανθισμενη*, слав. "убелена", что гораздо ближе соответствует общему ходу мысли и речи священного поэта: Невеста в его книге представляется усовершенствующейся, и если в начале книги она являлась черною от загара солнечного (Песн 1.4–5), то теперь, в конце книги, она – по противоположности – представляется убеленною, достигшею ослепительной белизны. По мнению проф. Олесницкого, «последняя стадия Песни Песней (Песн 8.5–14) приближается к картинам первой стадии и изображает первую половину зимнего сезона, охлаждение и усыпление или – так сказать – сокращение жизни природы... Не напрасно Палестина в предшествующей песни так боялась удаления солнца. Солнце уклонилось – и вот в одно утро Палестина является вся белая от снега. Эта мысль прямо выражается в первых словах песни по чтению LXX: кто это выступает блестящая таким белым цветом (по LXX) и яркостью этого снежного цвета уподобляющаяся другу своему солнцу?» (с. 377); «главным зимним украшением Палестины служат созревающие в декабре апельсины... священный поэт их, и только их одних понимает под общим именем яблок. Обремененные зреющими плодами апельсиновые деревья – один уцелевший залог близких отношений между землею и солнцем; в этих запоздалых плодах зимнее солнце едва возбуждает к жизни Палестину, спящую на лоне матери – земли» (с. 378).

Песн.8:6. Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный.

Песн.8:7. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презреньем.

В ст. 6–7, по согласному признанию всех древних и новых толкователей, выражена основная мысль или идея всей книги Песнь Песней – о несравненно высоком достоинстве и непреборимой силе истинной любви, как начала по существу и источнику своему божественного. Даваемое здесь священным поэтом изображение любви – крепкой, как смерть, и ревности, ненасытимой, как самый шеол, любви, как божественного пламени неугасимого и неподкупного, является поистине неподражаемым, истинно классическим. Но все глубокое

значение этой картины делается понятным лишь в связи с типологическим толкованием книги Песнь Песней. Воспользуемся и здесь превосходным объяснением проф. Олесницкого. «Как писатели пророческих книг в изображение крайнего политического падения еврейского народа вводят черты блаженного мессианского царства в видах утешения и ободрения народа, так и писатель Песнь Песней, дойдя в своем описании до низшей ступени жизни обетованной земли, как бы уснувшей от действия зимнего холода, неожиданно вводит в свое описание не имеющую отношения к изображаемой им действительной Палестине черту высшего непосредственного отношения Бога к земле своего народа. Изображение любви в ст. 6–7, которая не прерывается даже смертью и адом, не потушается никакими (зимними) водами и не приобретает никакими сокровищами, есть изображение той божественной любви, которая служит основанием всего ветхозаветного учения о Мессии. Приспособительно к тому, что в нашей книге вообще говорится о солнце и его благодетельной теплоте, и любовь Божия называется здесь пламенем (по первоначальному чтению; пламя Иеговы Яг⁷). Таким образом, совершенно справедливо древние толкователи видели в Песни Песней одно из самых высших и самых светлых пророчеств о Мессии. С того высшего пункта, на котором мы стоим в Песн 8.6–7, общая мысль всей книги Песнь Песней должна быть определена так: среди всех превратностей судьбы Палестины, среди сменяющихся картин ее природы, для народа еврейского есть только одно твердое и неизменное основание жизни, это – обещанная ему высшая и совершеннейшая любовь Иеговы, с раскрытием которой не нужно уже будет солнца на земле избранных, Божиих, потому что сам Иегова будет для нее солнцем незаходимым» (с. 378–379). О параллелизме ст. 6–7 с Рим 8.35–39 мы говорили.

Песн.8:8. Есть у нас сестра, которая еще мала, и сосцов нет у нее; что нам будет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за нее?

Песн.8:9. Если бы она была стена, то мы построили бы на ней палаты из серебра; если бы она была дверь, то мы обложили бы ее кедровыми досками.

Песн.8:10. Я – стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты.

Песн.8:11. Виноградник был у Соломона в Ваал-Гамоне; он отдал этот виноградник сторожам; каждый должен был доставлять за плоды его тысячу сребреников.

Песн.8:12. А мой виноградник у меня при себе. Тысяча пусть тебе, Соломон, а двести – стерегущим плоды его.

Песн.8:13. Жительница садов! товарищи внимают голосу твоему, дай и мне послушать его.

Песн.8:14. Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических!

Общий смысл этого заключительного отдела состоит в указании полного довольства и удовлетворения, какого достигла Невеста в осуществившемся, наконец, давно желанном ею безраздельном общении со своим Возлюбленным. Частности же, как и во многих местах нашей священной книги, с трудом поддаются удовлетворительному, бесспорному объяснению. Так, трудно определить, кто именно та младшая сестра, о которой говорят – по предположению, имеющему много сторонников (см. напр., русский перевод Архим. Макария) – братья Невесты в ст. 8–9. Мидраш и многие толкователи (в том числе и проф. Олесницкий) видят и в этой, младшей сестре, Невесту – героиню Песни Песней, и именно в применении к ней, т. е. ближе всего к историческому библейскому Израилю, изъясняют упомянутые здесь несовершенства и нужды этой сестры. Однако за отличие ее от Невесты говорит уже самое название ее меньшею, а также и то, что в ст. 10 Невеста по своим качествам прямо противопоставляется, как «достигшая» полноты (у архим. Макария: «нашедшая мир»), несовершенной младшей сестре. Поэтому естественнее видеть в последней чуждую Израилю и его благодарованному достоянию общину язычников, хотя и верующих, но далеко не имевших благоприятных условий для развития и практического осуществления этой веры (можно здесь для сравнения привести изображение состояния язычества у апостола Павла, напр., Еф 2.12–13).

Виноградник, ст. 11–12, напротив, есть, как и в Ис.5, образ ветхозаветного библейского Израиля с его теократическим устройством. «Ваал-Гамон», как собственное имя, в ветхозаветных канонических книгах не встречается. Сопоставление этого имени с городом Валамоном, упомянутым в книге Иудифь (Иудиф. 8:3) имеет лишь ту вероятность, что последний находился (Onomast. 191, 228) вблизи Дофана или Дофаима (Onomast. 396), т. е., вблизи и Сунема – родины Суламиты. Но еще вероятнее, что «Ваал-Гамон» есть нарицательное имя, буквальное значение которого «владелец множества (народов)», вполне приличествует Соломону, а еще более прообразованному им Мессии.

С последними взаимными приветями любви, ст. 13–15, Возлюбленные исчезают в эфирных высотах, с чем вместе замолкают и последние тоны превосходнейшей из песней – Песни Песней, этой – по истине, «неуловимой загадки, предложенной человеческому духу Духом

Абсолютным» (проф. А. А. Олесницкий, Книга Песнь Песней... С. 338).

Примечания

¹ - Как в еврейском, так и в греческом тексте надписание книги составляет первый стих первой главы ее; в Вульгате же, как и в нашей славянской и русской Библии, надписание стоит особо и не входит в состав первой главы.

² - По раввино-талмудической терминологии термин «осквернять руки» в отношении священных Книг означал каноническое их достоинство. О происхождении и значении этого странного термина можно читать у проф. А. А. Олесницкого в его «Песнь Песней и ее новейшие критики» Киев 1882, с. 14.

³ - Ed Konig Einleitung in das Alte Testament mit Einschluss der Aposcryphen und der Pseudepigraphen Alten Testaments. Bonn 1893, s. 422 ff. Иначе и ближе к истине судит о времени происхождения книги Песнь Песней другой немецкий ученый Густав Карпелес. Сопоставляя «Песнь Песней» с известною похвалой добродетельной жене в книге Притчей гл. XXXI, Г. Карпелес говорит «Нельзя предположить, что этот гимн в хвалу добродетельной жены, и «Песнь Песней» могли возникнуть в одно и то же время. В гимне, как и во всех сентенциях «Книги Притчей» касательно женщин и любви, преобладает вполне этический характер, в «Песни Песней» – эстетический: в первом – настроение преимущественно нравственное, во второй – глубоко чувственное. Внешние и внутренние причины, заставляя нас принять, что гимн был включен в сборник притчей уже позже, когда господствовали более зрелые воззрения на женщину и на ее значение в общественной жизни, составление же «Песни Песней» последовало, вероятно, непосредственно после смерти Соломона, и написана она была в северной Палестине». Г. Карпелес. История еврейской литературы. Русск. перев. под. ред. А. Я. Гаркави. Том I. СПб. 1896, с. 78. Но что вынуждает исследователя считать «Песнь Песней» написанною лишь «непосредственно после смерти Соломона», а не при его жизни его и не им самим? Серьезных оснований к тому не существует

⁴ - Слав. «в ложницу свою». Но ни еврейское хедер, ни греческое ταμετον не обозначают непременно спальни, а имеют и более общий смысл: внутренние покои (ср. 2Цар. 13:10, 4:7).

⁵ - Евр. кедар, как и кидрон, выражает понятие темноты, черноты

⁶ - "Убелена" λελευκανθισμενη читается в Песн 8.5 только по тексту LXX и славянскому.

⁷ - Действительно, вместо принятого чтения в евр. тексте ст. 6 пламень (сильный), в весьма многих кодексах у Кенпикотта и Росси читается пламя Иеговы.

Содержание

профессор А. П. Лопухин Толковая Библия Толкование на Песнь Песней Соломона профессор Александр Павлович Лопухин	1
Глава 1	16
Глава 2	25
Глава 3	32
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	43
Глава 7	46
Глава 8	50
Примечания	55